

**«Дагестан – моя любовь,
Россия – моя надежда,
Их достоинство и благополучие –
Смысл моей жизни»**

*Глава республики Дагестан
Рамазан Гаджимурадович
АБДУЛАТИПОВ*

**АВТОР СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИТ
РАМАЗАНА АБДУЛАТИПОВА
И РУСЛАНА КУРБАНОВА
ЗА НЕОЦЕНИМУЮ ПОМОЩЬ
В ИЗДАНИИ ЭТОЙ КНИГИ
И В ПРОВЕДЕНИИ ЕЖЕГОДНОГО
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО
ФЕСТИВАЛЯ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
«БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ РОССИИ»**

Поэзия многоязыкой России

*Литературно-музыкальный фестиваль
Дружбы Народов
«БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ РОССИИ»*

*Памяти Расула ГАМЗАТОВА
посвящается*

МАЛАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

МОЛИТВЫ В ДАГЕСТАНСКОМ НЕБЕ

*Стихи аварских, даргинских, кумыкских,
лезгинских, лакских, табасаранских и
ногайских поэтов в переводах*

Сергея СОКОЛКИНА

*Иллюстрации
Ярославы Соколкиной и Галины Гагариной*

Москва
«Российский писатель»
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6-53 22

Молитвы в дагестанском небе. Стихи аварских, даргинских, кумыкских, лезгинских, лакских, табасаранских и ногайских поэтов в переводах Сергея СОКОЛКИНА. М.: «Российский писатель». –2013. – 272 с.

ISBN 978-5-91642-077-7

В книгу «Молитвы в дагестанском небе» известного русского поэта и переводчика вошли избранные переводы стихов классика дагестанской литературы Расула Гамзатова и современных дагестанских поэтов разных поколений – Фазу Алиевой, Магомеда Ахмедова, Ахмеда Джачаева, Ханбиче Хаметовой, Юсупа Хаппалаева, Шейит-Ханум Алишевой, Абдуллы Даганова, Аминат Абдулманаповой, Байрама Салимова, Бийке Кулунчаковой, Анвара Аджиева, Магомеда Гамидова, Сулеймана Рабаданова, Залму Батировой, Анварбека Култаева, Сувайнат Кюребековой, Арбена Кардаша, Аминат Абдурашидовой, Сабигат Магомедовой, Гамзата Изудинова, Зулейхи Атагишиевой, Умараги Салиховой и Айлин Мусаевой. Их поэзию отличает высокое гражданское мужество, твёрдая жизненная позиция и высокая, безграничная любовь к своей малой Родине, к Дагестану и к Великой бескрайней России. Так же в этой книге немало стихов о любви и верности, преданности тому единственному чувству, что одно порой и поддерживает нас в нашей нелёгкой жизни. В приложении даны два стихотворения одного из основоположников даргинской литературы Омарлы Батырая, сельский фольклор, а также оригинальные стихи Сергея Соколкина на кавказские темы.

Подобное издание осуществляется в России впервые за последнюю четверть века.

ISBN.....

© Соколкин С., 2013 г.

© «Российский писатель», 2013 г.

МУЗЫКА ДАГЕСТАНСКИХ ГОР

Дагестан — это страна гор и поэтов, чистых рек и глубоких мудрецов. Когда я был молодым и увлекался поэзией, мне казалось, что дагестанские поэты напоминают художников древней Эллады. У них сохранилась возвышенность и благородство древности, эпическое отношение к смерти, возвышенное переживание личности. Русская культура невозможна без Дагестана, как невозможен Лермонтов без поэмы «Валерик». В те годы мне тоже хотелось умереть «в полдневный жар в долине Дагестана», потому что такая смерть обещала бессмертие. Уже больше двадцати лет я не слышал музыки дагестанских гор. Казалось, что запечатаны уста дагестанских поэтов, но появилась эта книга — «Молитвы в дагестанском небе» в переводах Сергея Соколкина, я пью из неё стихи, как пьют воду из горной реки. Я счастлив!

Александр ПРОХАНОВ,
писатель,
главный редактор газеты «Завтра»

ПОЭТИЧЕСКОЕ ГНЕЗДОВЬЕ КАВКАЗА

Горный край Дагестана не мог не родить большой поэзии. Думаю, все горцы несут в себе мудрую таинственность стиха. Легенды и мифы, песни и сказки передавались из поколения в поколение. Но огранку эти поэтические камушки Кавказа получили в мастерской великой русской культуры. Недаром и Александра Пушкина, и Михаила Лермонтова горцы считали своими поэтами. Почва родной земли, мудрость гор соединялись в долине Дагестана с глубинной всечеловечностью русской культуры.

В этом году мы отмечаем не просто 90-летие Расула Гамзатова, но и 90-летие дагестанского поэтического феномена. Конечно, ничего не рождается на пустом месте. У великого поэта Дагестана Расула Гамзатова был и не менее великий отец Гамзат Цадаса, а у него были свои народные предшественники. Был и Эффенди Капиев, и другие... Но как за первым камушком порой начинается лавина, так и за первыми стихами Расула Гамзатова в мировую культуру устремилась поэзия гор.

Сам Расул Гамзатов писал: «Если к прекрасной аварской поэзии я прибавил хотя бы три камушка, если в моих стихах есть столько огня, что его хватит для того, чтобы прикурить три папиросы, то всем этим я обязан Москве, русской литературе, моим друзьям и учителям».

Сейчас мы видим в поэзии Дагестана уже не три камушка, но целое поэтическое гнездовье Кавказа. Вослед за великим Расулом потянулись Фаза Алиева, крупнейшая дагестанская поэтесса, и Магомед Ахмедов, Шейит-Ханум Алишева и Ахмед Джачаев, Юсуп Хаппалаев и Аминат Абдулмананова, Бийке Кулунчакова и Ханбике Хаметова, Ар-

бан Кардаш и молодой поэт Гамзат Изудтнов. Заранее извиняюсь перед теми, чьи имена не назову, их достаточно много. И уже их поэзия покоряет сердца русских читателей от Владивостока до Мурманска.

Пламенная Фазу Алиева неустанно — как женщина и поэтесса — утверждает приоритет любви над всеми другими человеческими чувствами и неизменно представляет Россию и Дагестан на многих международных форумах и на Всемирном совете Мира, не уставая повторять...

*...слова нашей пламенной речи,
Что прозвучали из уст всех влюбленных.
Ибо любовь долговечней и крепче
Каменных гор
И галактик бездонных.*

В своем стихотворении, посвящённом памяти Расула Гамзатова, его ученик, ныне Народный поэт Дагестана Магомед Ахмедов пишет:

*Мой учитель и друг,
Ты всегда был для нас великаном, —
Чистый горский родник
Сделал ты мировым океаном.
...После смерти твоей
В доме плача согласия нету...
Если честно сказать,
Ты один,
Лишь один был Поэтом.*

Может, в чём-то и горькие строки Ахмедова о хилой струйке поэзии, стекающей к подножию гамзатовской

горы, в то же время подтверждают и наличие новых поэтических родников. Все когда-то начинают с родниковой поэзии, но поток ширится, растёт, течение становится бурным и стремительным, а впереди — открытое море великой культуры. И вот уже ныне тот же Магомед Ахмедов становится признанным российским поэтом, выступает на Пушкинских вечерах поэзии в Михайловском. И уже как-то неудобно говорить о его хилой поэтической струйке, скорее стремительная горная река!

Другой Народный поэт Дагестана, Абдулла Даганов тоже обращается за поддержкой к мудрости и мужеству уходящих старцев. Вот его дед незадолго до смерти прощается со своим кинжалом:

Он к щеке клинок зазубренный прижал,
Словно кровью,
Обагрил слезой кинжал.
Нет, не с жизнью старый горец расставался, —
Он последний раз кинжал в руках держал.

Недавно в Москве, на Яузском бульваре открыли памятник великому поэту Расулу Гамзатову. Я рад, что на открытие памятника приехал президент России Владимир Путин. Это и дань уважения храбрым и стойким народам Кавказа, это и дань уважения всенародно любимому Расулу Гамзатову, это и не столь уж частое обращение нашего президента к российской литературе, к поэзии как таковой. Путин сказал, что «Гамзатов был выдающимся гражданином, понятным и близким для всех, кто знал и любил его поэзию. Поэт был искренне убеждён, что чувство Родины, настоящий патриотизм и национальная гордость за свой народ не могут соперничать друг с другом. И народам Рос-

сии будет хорошо только в том случае, если они будут вместе. Он призывал не слушать безответственных ораторов, которые пытаются поссорить людей и оторвать их друг от друга. Вместо этого надо отдать все силы на сохранение и умножение многовековой самобытной культуры всех народов России. Для нас сегодня это звучит как призыв».

И впрямь поэзия Расула Гамзатова наполнена любовью к своему народу, к своей земле, к родному Дагестану, и он щедро передает это чувство любви и почвы всем людям, всей мировой культуре.

*Орлы лишь,
Как немые истуканы,
Сидят вдали от суетной орды
И не спешат — в заморские туманы,
Меня Родину в час смуты и беды.*

«Поэзия без родной земли, без родной почвы — это птица без гнезда», — говорил Расул Гамзатов.

А далее «птица» летит в Россию, ко всем русским, и уже далее ко всему человечеству.

Нынче приходит к народам России ясное понимание общности своей судьбы, общности своей культуры. Русским поэтам важен и нужен и Расул Гамзатов, и Магомед Ахмедов, и Ахмед Джачаев, и Аминат Абдулмананова, но даже великому Расулу Гамзатову было бы трудно войти в мировую литературу без русской культуры, без русских переводчиков. Дагестанские поэты прославили на весь мир свои горы, но русскими поэтами их сделали блестящие мастера перевода Владимир Солоухин, Сергей Городецкий, Наум Гребнев, Елена Николаевская, Андрей Вознесенский, Юнна Мориц. Сами — немалые поэты.

И здесь надо сказать, что школа русского стихотворного перевода тоже сохраняет свои позиции. На смену уже ставшей классической школе поэтического перевода пришли переводчики нового призыва. И тоже, как правило, прекрасные поэты. Один из них — Сергей Соколкин, чью немалую поэтическую энергию я хорошо познал, работая с ним вместе долгие годы в газетах «День» и «Завтра». Думаю, его поэтические переводы дагестанских поэтов ничем не уступают классическим переводам Наума Гребнева или Владимира Солоухина. Впрочем, читатели убедятся в этом сами. Надеюсь, иные из его переводов тоже станут популярными песнями, подобно «Журавлям» Расула Гамзатова в переводе Наума Гребнева. Тем более, что в поэтическом активе Сергея Соколкина уже есть немало известных, полюбившихся нашему народу песен.

В этой книге представлены некоторые переводы Сергея Соколкина стихов дагестанских поэтов — аварцев Расула Гамзатова и Фазу Алиевой, кумыков Ахмеда Джачаева и Шейит-Ханум Алишевой, ногойца Анварбека Култаева, даргинки Аминат Абдулманановой, табасаранки Сувайнат Кюребековой, лезгина Арбена Кардаша и многих других.

Клятвой верности звучат стихи Залму Батировой, верности, так нужной сейчас и нашим народам:

*Опасною тропой, когда, сгущаясь, тучи
Закроют небеса, пойду, не дрогнув, дальше.
Лишь пусть в груди твоей любви не гаснет лучик
И освещает путь мой среди мира фальши.*

*А разве не чувствуется родство поэтических душ, русской и аварской, в том же переводе Гамзатовского стиха:
«Из раны кровь течёт. Рыдать Сомнительна причина. Коль*

кровь твоя — дороже слёз, Какой же ты мужчина?!», или же в переводе стиха Ахмедова о гибели двух поэтов:

*Моя горная речка — не Чёрная речка,
В ней великой поэзии бьётся родник.
Возвращаюсь я в горы, дышу родной речью
И вхожу в небеса, как в объятья родни.*

*Нет, не Чёрная речка — та горная речка.
Два поэта встают, но не вечен гранит...
Пушкин падает в снег,
Но поэзия вечна!
Та ж проклятая пуля
В Махмуда летит...*

Они и внешне похожи, два крепких и гордых мужчины, два крепких поэта, русский Сергей Соколкин и аварец Магомед Ахмедов. Дай Бог, чтобы в таком единстве и развивалась наша великая литература!

Владимир БОНДАРЕНКО,
критик,
главный редактор
газеты «День литературы»

Сергея Юрьевича Соколкина я знаю давно и лично, и как замечательного русского поэта и по его журналистской деятельности... Его работы всегда привлекали к себе внимание широтой интересов, полемичностью, остротой, чёткостью нравственной позиции и, наконец, мастерством...

***Владимир СЛОУХИН,
писатель, один из первых
переводчиков Расула Гамзатова,
лауреат Государственной премии СССР,
1993г.***

ОТ АВТОРА-ПЕРЕВОДЧИКА

Расула Гамзатова переводили и будут в дальнейшем переводить лучшие отечественные и иностранные литераторы. В мировой истории мы знаем много примеров того, как произведения одного и того же поэта переводили разные авторы и делали это, естественно, по-разному. Я тоже решил по-своему посмотреть на творчество «Великого Расула». Думаю, это послужит только к лучшему, — чем больше его творчество будет востребовано современными поэтами и переводчиками, тем больше в нём будут нуждаться и читатели. Я искренне надеюсь, что когда-нибудь в дальнейшем смогу представить на суд читательской и пишущей публики целую книгу стихов Расула Гамзатовича Гамзатова в собственных переводах.

То же самое касается и остальных авторов данной книги... Не претендуя на создание исчерпывающей, всеохватной антологии современной дагестанской поэзии — ввиду небольших собственных административных возможностей, (просто восхищаясь красотой, мужеством и талантом людей, населяющих этот суровый прекрасный край гор, моря и бескрайнего орлиного неба), я представляю русскому читателю — Малую Антологию — творчество моих любимых современных дагестанских поэтов.

С любовью,

Сергей СОКОЛКИН

РАСУЛ ГАМЗАТОВ,
Народный поэт Дагестана

* * *

В сорок втором — далёком
Старший брат
Жизнь положил за город Сталинград.

Тоскует мать,
Старея без надежд,
И не снимает траурных одежд.

Мужаю я,
Расту сквозь боль утрат.
Теперь я старший,
Слышишь, старший брат?!

* * *

У народа три заветных песни,
Полных радостной и грустной былью.
Первая – всех лучше и чудесней, –
Шепчет мать её над колыбелью.

И вторую мать поёт родная
В час, когда глаза не видят света,
Над сыновьим гробом застывая...
Ну, а третья –
Всё, что не про это.

* * *

Если поздний гость стучит в оконце
И ночную нарушает тишь,
Ты, блюдя закон суровых горцев,
Двери открывай,
Потом доспишь.

Песнь бурлит в груди, стучит, тревожит.
И пусть спят в кроватях земляки,
Ты поэт земли своей? –
Ну, что же,
Жги глаголом,
Ночи вопреки.

* * *

Совсем недалёкой,
Доступной вершина
С подножия кажется нам – простакам.
Идёшь по камням, огибаешь лавины, -
Конца же всё нет,
А вершина всё там...

Работа поэта –
Кому-то забава,
Но станешь над строчкой всю ночь колдовать, –
Нет рифмы, нет слова, –
И кажется, право, –
Взять гору полегче,
Чем песни слагать...

ДРУЖБА

Говоришь,
Ты был счастлив всегда
И не знал, что такое беда,
Даже горя за эти года
С другом ты не испил никогда.

Пусть ты прожил на свете сто лет,
Голова поменяла свой цвет.
Но тебе я промолвлю в ответ,
Ты ещё не родился на свет.

* * *

На чужбине
Пригорюнюсь, вспоминая,
Где ж ты, сакля,
Невысокая, родная.
Или поле, со скалою по соседству,
Где на резвом скакуне скакал я в детстве.
И родник живой,
Что не было чудесней,
Где она мне поднесла кувшин,
Как песню...
Вспоминаю путь,
Где ветер злится, в скалах,
По которому поэта провожала.
Только ту, что я любил,
Не вспоминаю,
Потому,
Что я её не забываю.

* * *

Если б каждый мой вздох о тебе
Рифмовать,
Вечер мог бы поэмою стать.
И тогда б о любви
Такой книги большой
Не найти в целом мире другой.

Но пока я без книжки живу, -
Налегке, -
Как ладонь,
Что в моей притаилась руке.
Время жаль -
Даже лучшим стихам отдавать, -
Что могло б поцелуями стать.

* * *

Горы наши белые и синие,
Нивы — с золотой глубокой краскою.
Если б раздарить цвета и линии,
Стала бы земля почти что райскою.

Многое нам прадедами задано,
А заветы забывать не надо ведь.
Если б мир их соблюдал, как надобно,
Стал бы он почти, как Божья Заповедь.

* * *

Нет таких каминов, где б беспечно
Полыхал негаснувший огонь.
А в моей груди он бьётся вечно,
Коль не веришь,
Поднеси ладонь.

Нет ни деревень, ни сёл прекрасных,
Где огонь не гас бы никогда,
А в моих глазах огни не гаснут
Моего родимого Цада.

* * *

Каждый был рождён в прекрасный миг
Женщиной, что в мире нет нежнее.
Почему же первый детский крик
Злых людей не сделает добрее?

Дети полнят радостью наш дом,
Мы их на руках своих качаем.
Кто же виноват,
Что мы потом
Так порой чудовищны бываем?!

* * *

Вот осень,
Это значит, песня спета,
И сотни неумолчных птичьих стай,
Хоть краю этому певали гимны летом,
Прописку вдруг меняют –
Невзначай.

Орлы лишь,
Как немые истуканы,
Сидят вдали от суетной орды
И не спешат – в заморские туманы,
Меня Родину в час смуты и беды.

* * *

Верного друга война отняла,
Но говорю с ним сквозь годы.
Ну, а иной тут стоит,
Как скала,
Словно ошибка природы.

Памятью доброю друг верный мой
Греет меня, что есть силы.
А от иного, —
Того, что живой,
Холодно,
Как от могилы...

* * *

Трудно ль подвиг совершить герою,
Превозмочь себя среди людей?
Это миг,
Но, засверкав звездой,
Жизнь прожить намного тяжелей.

Стать легко ль предателем, убийцей
И упасть на дно,
Так глубоко,
Что взлететь уж невозможно птицей?
А вот жить совсем уж нелегко...

* * *

Слава,
Живых обходи стороной, —
Лучших и самых хороших
Можешь,
Того не желая порой,
Ты раздавить своей ношей.

Слава,
Живущим не будет беды,
Коль подзабудешь их имя.
Мёртвых верни скорей в наши ряды,
Делая вечно живыми.

* * *

Качает колыбели горный ветер
Новорождённым горцам.
Каждый век
В той самой первой песенке на свете —
Орлиный клёкот, плески горных рек.

Пусть честь отцов всегда пребудет с нами,
Достойны будут дети их наград!
Отцов уж нет,
А вот орлы, как память,
Расправив крылья, в небесах парят.

* * *

Стегает горный ветер, словно плетью.
Родимый край,
Да что ж за жизнь такая? —
Язык аварский забывают дети,
Своих отцов почти не понимая...

Так неужели нас постигнет горе,
Не будет песен,
И аварской речи?
Всё как в природе:
Речка катит в море,
Хотя и знает, это смерть для речки.

* * *

Поэт пел песни — про родной народ,
Про горы и долины.
И за это
Ему родимый край который год
Слагает гимны языком поэтов.

Я так и вижу, —
Сквозь туман веков,
Поёт поэт, тряхнувши головою,
И слушает, всё разобрав без слов,
Старик Кавказ с вершиной снеговою.

* * *

Бессмертных нет,
Мы все уйдем туда,
Откуда даже слову нет возврата.
Нельзя покинуть землю без следа,
Наш след – и дом, и песня, что крылата.

Не все травой тропинки зарастают,
Ручьи пересыхают не всегда,
Вливаясь в реку.
И поёт вода.
И нашу славу песни воспевают.

* * *

На клинках писали и клинками
Наши деды,
Словно бы вчера,
То, что нынче с помощью пера
Я пытаюсь выразить словами.

Предаваясь пламенной отваге,
Предки уносились в бой во мгле
И писали кровью на земле
То, что я пытаюсь – на бумаге.

* * *

Если суждено металлом стать мне,
Не штампуйте из него монету,
Не хочу я измениться статью —
Мелочью бренчать по белу свету.

Если всё же я железом стану,
Я б хотел оружием быть, сверкая, —
Например, кинжалом Базалая...,
В бой лететь,
А не бренчать в карманах.

* * *

Узора вязь легла на рукоять, —
Лишь только солнце может так сиять!
Клинок из ножен я рванул, дрожа
От счастья,
Но был крив и туп кинжал.

Мне златокузница работу жаль,
Но вспомнил книгу я,
Забыв кинжал...
Тисненья, загогульки, а внутри —
...Пузыри...

* * *

Я не всезнайка, нет таких людей,
Есть, кто за них себя лишь выдать рады...
Боюсь я и нахмуренных бровей,
И, как утюг,
Тяжёлого их взгляда.

Ни Пушкин, ни Сократ всего не знал,
Ведь знаний много,
Как на дубе листьев...
Что ж громче всех кричит лишь тот, кто стал
Владельцем дутых —
«абсолютных» истин?!

* * *

Высекайте на клинках кинжальных
Имена детей своих и мам —
Чтоб, всплыв бездумно,
Было жалко
Вашей невозддержанности вам.

На прикладах вырежьте портреты
Самых близких,
Самых дорогих,
Чтоб с любовью матери и дети
Вас молили вспоминать о них.

ПЯТЬ НАСТАВЛЕНИЙ

1

Если ты людьми сегодня не доволен,
То не требуй и от них любви с почтеньем.
Если ты плюёшь в колодец с вдохновеньем,
Завтра вряд ли напоит тебя водой он.

2

Пускай устал ты,
Всё же весело шагай.
И сердце встречного спешит домой дойти.
Не задирайся и войны не объявляй
Тем, кто тебе на узком встретится пути.

Пойми, не только у тебя, но и у них
Оружье тоже есть, —
Судьбу не искушай, —
Клинок бессмертный, что ковал сам Базалай
И песнь, которая клинку тому сродни.

3

Кто ни разу с лошади не падал,
Тот не станет всадником, ей Богу!
По спине не бей коня, не надо,
Коли сам сломал ты сдуру ногу.

Кто свой стих не рвал,
Тому навряд ли
Суждено поэтом стать однажды...
Песнь придёт в свой час, своим порядком,
Не ломай, сдаваясь, карандаш ты.

4

Шагай сквозь горы-долы не спеша,
Полезней средства для себя не знаю.
Здоровье тела – чистая душа,
Сердечный друг и песня удалая.

Полна грудь ветром
И вокруг, долбя,
Грохочет град и дождь,
Но страх не ведом.
Весть добрая обрадует тебя, -
За дочками и сын родится следом.

А если ты узнал, что заболел
Кунак, –
То под лавиной снегопада
Шагать сквозь эти горы – твой удел
И честь твоя, и совесть, и отрада.

Ведь хуже этой вести, может быть
Лишь та, что угрожает смыслу жизни, -
Что супостат,
Придя народ сгубить,
Зажёг пожар войны в твоей отчизне.

5

А тот, кто сломался,
Кто горя достойно не вынес,
Не вынесет счастья,
Не справившись с той же причиной.
С бедою не встретился кто
И от страха не вырос,
Не станет мужчиной, поверьте,
Не станет мужчиной!

МУЖЧИНА

— О, юноша пылкий,
В бою защищая любовь,
Готов ли расстаться ты с жизнью своею?
— Готов.

— Рванёшься ль спасти ты
Из огненных адских оков
Любимую девушку?
— Я туда брошусь без слов.

— А голову гордую,
Что не склонял никогда,
При встрече со старцем склоняешь почтенно ты?
— Да.

— А если твой друг
Позовёт тебя как-нибудь вдруг
Сто рек переплыть,
Поплывешь?
— Поплыву, он же друг.

— Коль гость завернёт
И попросит дать корма коню,
Ты в колокол радости будешь звонить?
— Я звоню.

— Когда у соседей и радость, и солнечный свет,
Доволен ли ты?
— Да, конечно, ведь я же сосед.

– К могилам родителей в дождь
и в томительный зной
Приходишь ли ты?
– Прихожу даже лютой зимой.

– Печаль или свадьбу в горах,
что на весь белый свет
гуляет..
Пропустишь ты мимо?
– Конечно же, нет!

– Когда враг могучий встаёт у тебя на пути,
Дрожит твоё сердце?
– Становится кремнем в груди,
Для дрожи его
Нет на свете достойных причин!

– Тогда ты мужчина, -
Ты из настоящих мужчин.

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ

* * *

Из раны кровь течёт.
Рыдать
Сомнительна причина.
Коль кровь твоя —
Дороже слёз,
Какой же ты мужчина?!

* * *

Кого мне бояться, —
Я Сталина видел! —
Неужто Хрущёва и прочих вождей?
Поэт — есть поэт,
Подчиняясь обиде,
Не врал я, — в отличие от этих... людей.

* * *

Зовут меня с трибуны выступать, —
Сказать попроще, —
Всё глотку драть.
Эх, лучше бы с красоткой юной или
Не юной — пошептаться пригласили.

* * *

Как бы громко ни вещали мне
Хором — о грядущем светлом дне, —
Пустота в горах и немота,
В пропасти ж — тоска и темнота.

* * *

Я камень добывал, ломая скалы.
Мечтая возвести чертог небесный,
Мечтал и пел,
Но вместо светлой песни —
Тюрьму построил каменщик усталый.

* * *

Вождь за генсеком, секреты таящий,
Спор, микрофон, заседания, враки...
Нужен Хозяин земле настоящий,
А не вот эти бумагомараки.

* * *

Был нужен жест,
Его б в граните высечь! —
И мобилизовались сотни тысяч.
Теперь сто жестов, словно выпил с горя, —
И сотни тысяч спорят, спорят, спорят.

* * *

Я уже давно живу без песен,
А без песен мир неинтересен.
Мир без песен, без душевной боли,
Как еда,
Которая без соли.

* * *

Каждый день — на хлеб растёт цена,
А на слёзы
Падает она.
Слёзы заливают нашу землю.
До какого ж мы упали дна!

* * *

Я не страшусь справедливого Бога,
Но опасаюсь дурных людей.
Старших я в детстве боялся долго,
Теперь я боюсь молодых парней.

* * *

Имам Шамиль под пулями взрастал.
И вот — наиб дожил почти до ста-
рости...
Махмуд в огне любви горел, —
Погиб он юным.
И не поседел.

* * *

Где-то птица поёт, её даже не видно:
— Как дела?
— Лучше всех! — вдаль идёшь по улице.
Только как же обидно,
Когда наивно
Здоровьем красавица интересуется.

* * *

Я не Казбек, не предводитель гор я,
И им не однокашник, не коллега...
Откуда ж голова в снегу и море
Всех тех седин,
Что побелее снега?

* * *

Шоссе аулам горным не пристали, —
По ним пошли бы сплетни и обвалы.
Молю, чтоб первозданными остались
В величье неприступном наши скалы.

* * *

От мест, где родился,
Мой дом далеко, далеко, -
Не высокогорный,
Мне это теперь нелегко.
Но ваш, земляки, я упрёк не ловил на лету,
Спасибо вам, горцы, за эту ко мне доброту.

Лишь доброе слово
Меня догоняло в пути,
И нежною песней мне хочется вам отплатить.
На ваших плечах будет мне уж тогда не вздохнуть,
Когда в мой последний
Меня понесёте вы путь.

* * *

Когда я умру, я прошу вас, сельчане,
Вы сердце моё схороните тогда
На Верхней,
На Нижней, той – Главной, поляне
В высокогорном ауле Цада.

Я был в разных странах, ходил в океане,
Но сердце моё оставалось всегда
На Верхней,
На Нижней, той – Главной, поляне
В нашем родимом ауле Цада.

* * *

Победы я свои не выставляю, -
В них нет чего-то,
Сам я знаю это
И сам желаю я родному краю
Явления настоящего Поэта.

Идёт он следом
И орлиным взором
Он видит то, что я лишь обозначил.
И я по-стариковски —
Добрым словом —
Хочу, чтоб помянул меня тот мальчик...

ФАЗУ АЛИЕВА,
Народная поэтесса Дагестана

* * *

Есть в мире такое меж нами, что не понимаю, —
Как выразить то,
Что тебя я без слов ощущаю, —

Как шёпот звезды
Или блеск восходящего света,
Журчанье прохладной воды среди жаркого лета,

Как яростной молнии яркое самосоженье...
Дыханье слабеет,
И губы дрожат в предвкушенье.

Мир замер как будто,
В висках слышу залпы орудий,
И в колокол бьют ритмично под левую грудью.

Ты близко, ты рядом,
Я чувствую это собою,
А низкая туча уже разразилась грозью,

И с воздухом море смешалось,
И бrenную сушу,
Подняв к небесам,
Обрушают в бессмертную душу..

Есть в мире такое меж нами, что не понимаю,
Как чувствую я,
Как заранее дверь открываю.

Стою на пороге, —
И мир, как лёд северный, тает..
— Ну, здравствуй, родной, —
И душа на ветру полыхает.

* * *

Любимый мой,
Так что же между нами
Взошло стеной и душу жжёт, как пламя?!

Была всегда я гордой,
Но без фальши.
И подозрительно не была я раньше...

Иду с тобой, вхожу в чужие двери,
Всех встречных, как соперниц,
Глазом смерив:

— Не смейте даже взгляд бросать украдкой,
Не соблазнить его такой повадкой!

Смотрю на всех, как на врагов народа,
И сердце —
Бомба с часовым заводом.

Мол, даже взгляд
Случайный не бросайте, —
Я не отдам его, —
И не мечтайте!

СТРОКИ ЛЮБВИ

Рушатся горы на нашей планете,
Реки-моря превращаются в мели,
Тыщи веков,
Пролетевших, как ветер,
Шар мой земной пощадить не хотели.

Рушатся храмы, дворцы, пирамиды,
Не оставаясь ни в строчках, ни в строфах.
Даже галактики, как Атлантиды,
Вдруг исчезают в своих катастрофах.

Но всё же есть на земле нашей зыбкой
Нечто святое,
Друзья-человеки,
Я в небесах со счастливой улыбкой
Запечатлела на вечные веки

Эти слова нашей пламенной речи,
Что прозвучали из уст всех влюблённых.
Ибо любовь долговечней и крепче
Каменных гор
И галактик бездонных.

* * *

На голос Родины
Из самого далёко
Приду хоть в дождь, хоть в снег,
Назло ветрам,
Неколебимость мне ценней зеницы ока,
За монолитность —
Жизнь свою отдам.

* * *

Осень и женщина чем-то похожи, -
Перешагнув возрастную черту,
Очень им хочется нравиться всё же,
Приукрашая свою красоту.

Яркой парчи золотые наряды
Возраст скрывают —
До некой поры.
Как же не хочется чувствовать взгляды
Мудрой, седой совсем —
Снежной горы.

МАГОМЕД АХМЕДОВ,
Народный поэт Дагестана

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

После смерти твоей
В доме плача согласия нету,
Сирота наш аварский язык...
Ты один был Поэтом.
Все забылись грехи,
А величье зияет, как рана.
Ты и Каспий — два моря,
Две славы земли Дагестана.

Чем ты дальше уходишь,
Становишься ближе к народу.
Открывается тайна из тайн
Силы горского рода.
В тебе сила бескрайняя,
Данная Богом, — ты вечен,
Не коснулась тебя
Даже тень самых подлых словечек.

Ты над миром раскрыл
Поэтический зонт Дагестана,
Чтоб под ним собрались
Все влюблённые земли и страны.

Две поющих струны
На аварском пандуре – планету
Слушать ты заставлял
Золотыми словами Поэта.

И не гнули спины
Ни пред кем твои гордые песни,
Но звучали над миром
Симфонией самой чудесной.
В государстве любви
Было, может, немного и тесно,
Но влюблённым всех стран
Находилось свободное место.

Вспоминаю теперь и улыбку,
И взгляд твой весёлый.
Терпкой речи твоей
Мёд таланта мы брали, как пчёлы.
В нём и сладость была,
В нём и горечь была от природы,
А слова ты сбивал,
Словно строил жилище –
На годы.

Ты ушёл, и теперь
Наша песня, как речка, мельчает
И к подножью горы твоей
Хилою струйкой стекает.
А щенки волкодавов бездарны,
Хотя их немало...,
С рыком тужатся, мол,
Он ушёл, наше время настало!

Мой учитель и друг,
Ты всегда был для нас великаном, —
Чистый горский родник
Сделал ты мировым океаном.
...После смерти твоей
В доме плача согласия нету..
Если честно сказать,
Ты один,
Лишь один был Поэтом.

* * *

Я горной речкой с Родины сбегал,
К Отчизне пробиваясь родниками,
Найдя тот древний дух, тот идеал,
Что на кладбище жив лишь — между скал
В густой пыли, оставленной веками.

Я ненавижу двадцать первый век,
Где злоба, зависть ходят между нами.
Когда умру я, слышишь Человек,
Пусть песнь моя останется навек —
Как мост, парящий между островами.

* * *

Моя горная речка – не Чёрная речка,
В ней великой поэзии бьётся родник.
Возвращаюсь я в горы, дышу родной речью
И вхожу в небеса, как в объятия родни.

Нет, не Чёрная речка – та горная речка.
Два поэта встают, но не вечен гранит...
Пушкин падает в снег,
Но поэзия вечна!
Та ж проклятая пуля
В Махмуда летит...

* * *

Я вернулся в дом, к той речке детства,
В свой аул — и больше не уеду.
И, уставший от дорог и бедствий,
С мудрым сердцем я веду беседу.

Слышу полный счастья голос детства,
Что звенит в горах, с ветрами споря.
Но вступает зрелость по соседству:
— Что там речка, то ли дело море!

Так и спорят, — целая планета
Детства, годы зрелости и старость.
Я узнал моря,
Но речка эта
Глубже океанов оказалась.

ПОВЕСТЬ

Двух женщин в жизни полюбил мой стих.
И две слезы текли из глаз моих.
От первой мне осталась только тень,
Зато цветёт вторая, как сирень.

Две женщины стояли на пути,
Два сердца бились у меня в груди.
Одно остановилось в свой черёд,
Второе — мне не умереть даёт.

СОЛНЦЕ И РОСА

Роса, возлѣгшая на утренних цветах,
В плен солнечной улыбки попадает.
Две красоты встречаются и, ах,
Любви страница в пламени сгорает.

Целует солнце нежный свой улов
В серебряные губки и, поверьте,
Росинки солнце ждут.
И за любовь
Готовы к этой ежедневной смерти.

* * *

Люблю цветы и звёзды,
Что беспечно
Собой одаривать готовы первых встречных.
И кажется,
Что счастье бесконечно,
Когда звучат их имена в аварской речи.

И жаль мне тех,
Кто мрачную порою
Так и не вспыхнул в жизни ласковой звездой.
Поэтов жаль,
Корпящих день за днями,
Не распутившихся сердечными цветами.

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

– Приходи, Сальери, друг мой лучший,
Музыку Божественную слушать.

– Бог мой, Моцарт, музыку твою
Каплей чёрной зависти убью.

Так уходят в вечность – круг за кругом –
Моцарт и Сальери – друг за другом.

ЛОРД БАЙРОН

Ю. Кузнецову

Дописан стих, легко вздохнула грудь.
Ржавеет меч, конь у крыльца заржал.
Лорд Байрон, я готов пуститься в путь
Вдоль по судьбе – по лезвию ножа.

«Остановись и в ножны меч вложи,
Оставь другим судьбу ночных забав.
Кто поднял меч, тот обречён не жить...»
Но ты умчался вдаль, к седлу припав.

Крик в спину слышен: «Ты умрёшь, как зверь...» –
«Умру в седле, не для меня покой!»
Спасибо, Лорд, к чему слова теперь,
Ты держишь стремя вечности ногой.

«Лорд, Греция зачем тебе, постой,
Другой воюет пусть, ты песню пой».
Ты отвечаешь: «Песня – это бой,
Их разделив, не Байрон я, – другой!»

Да здравствует свобода, за неё
Моё перо взлетело, как копьё.

Пегас – мой конь, Пегас мой боевой.
Перо и меч – из стали из одной».
Спасибо, Лорд, смешон, смешон покой,
Ты держишь стремя вечности ногой.

ПОЭТ

Словно эхо кровавых времён и эпох —
Тех же самых вопросов опять повторенье.
Только мир сотворил неуступчивый Бог,
Кто с мольбой смотрит в небо, а кто с нетерпеньем.

Уверяют одни: «Ложь везде, правды нет!»
«Не убий! — Это грех», — слышен голос у края...
На все эти вопросы один лишь поэт
Вечно ищет ответы, с судьбою играя.

И когда его голос находит Творца,
То, беснуясь, толпа бьёт Пророка камнями,
Но когда его слово поймут до конца,
С неба сыплются камни и адское пламя.

Но идёт он и в мир, не мигая, глядит.
Он изранен. И уголь в его сердце тлеет.
Поле боя гудит в ослабевшей груди.
Тихий голос молитвы в стихах не слабеет.

Смотрит в небо, как все он, страдания полн,
И текут его слёзы иным на потеху,
И вопросы извечные вечных времён
Всё терзают его.
Он их вечное эхо.

ПРОСТАЯ ПЕСНЯ

С правдой легче идти, хоть она не легка,
А больному помочь, —
Не бесцельные хлопоты.
И пусть сердце болит, не скудеет рука, —
Значит, все ещё жив пред людьми
И пред Богом ты.

Счастлив тем будь,
Что Бог дал в краю нам родном,
Не мечтай о богатстве мечтой нездоровою.
На Тот Свет не уйдешь ведь в гробу золотом,
Не заменишь Отечества Родиной новою.

РОДИНА

Мне Родина снится,
Иначе нельзя,
Ведь сколько по жизни с любимыми пройдено...
Но я не один, -
На меня смотрит Родина,
Когда предают, изменяют друзья.

Она обнимает и руку с плеча
Снимать не спешит.
Смотрит грустно и ласково.
И легче дорога, и светлыми красками
День новый – окрашивает печаль.

Находится Родина там, где всегда, -
Где сердце живое без усталости трудится.
Раз сердце болит, значит, чувствует умница,
Что в двери к тебе постучалась беда.

Любовь – это верность,
И истина – в ней.
Ведь Родина –
Это и есть, братцы, – Родина, –
Ни больше, ни меньше,
Другое – пародия,
Не может у сына быть двух матерей!

Мне Родина снится,
И шепчет про то,
Как много по жизни с любимыми пройдено.
Проснись и сяду...
На меня смотрит Родина.
А прочее всё, это просто ничто.

* * *

Чтоб страну прославить в песне, нету слов.
Чтоб воздать за песню ту, страны нет просто.
Травят чистую сыновнюю любовь,
На потеху псам бросая, словно кости.

Голос предков ночью слышится как есть:
— Вы до края добрели уже — без цели,
У Барьера человек стоит и честь,
Всех пора мерзавцев вызвать на дуэли.

Нужен духа и молитвы талисман
Для всех этих лет, дрожащих от разбоя...
— Что, скажи, с тобою стало, Дагестан?!
— Дезертиры оставляют поле боя...

* * *

Никого уже не вызовешь к Барьеру,
Больше нет на свете слова «дуэлянт».
Подлость, зависть нагло делают карьеру,
Убивая имя, славу и талант.

Под окном война гуляет удалая,
Снова правят бал предатели-вожди.
Даже кажется,
Вокруг страна чужая,
И народ язык не вспомнит свой, —
Не жди.

НОЧНОЙ ВЕТЕР

Снова ветер ночной, как гуляка, стучится в окно,
Треплет память мою, словно спросит о чём невзначай...
Ах, о чём это он? —
Да о счастье, что сплыло давно
И о жизни загубленной — песни его по ночам.

Ненавижу, боюсь я ночей этих чёрных, как смоль.
Всё от ветра гудит: и дома, и кусты, и большак.
Словно память врачует мне — в сердце возникшая боль.
Силой воли я душу свою зажимаю в кулак.

Каждый день моя память, встречая пришедший рассвет,
Мне твердит, — всё прошло, словно миг, стали ночи, как дни...
Жизнь мою крутит ветер прошедших берёзовых лет,
Лишь ночами заполнены прошлые годы мои.

Только ветер ночной, как собака, всё воет в ночи.
Я один, как всегда,
Нет в округе родного лица...
Рана в сердце моём, как от пуль, от обиды кричит.
И в груди поле боя шумит без конца, без конца...

Нет хороших вестей. И никто мне не сможет помочь.
Обреченный на память, лишь с ветром беседую я.
И уже я не знаю, где день, а где вечная ночь,
Не в ту сторону, видимо, стала вращаться земля...

* * *

Осенние небеса,
Тяжёлые небеса,
Беда, как вдова солдатская,
Все выплакала глаза.
В стране холода и течь,
И птицам летать невмочь.
Объята проклятьем Господа,
Отчизна глядится в ночь.

Осенние голоса,
Осипшие небеса...
Воронами синь заклёвана,
И с шумом идёт гроза.
Лишь чёрные тучи – в них,
И нет облаков простых.
Ненастные дни, –
У Господа
Для нас уже нет других.

Тяжёлые небеса,
Одна сплошная слеза.
И власть, что с людьми управилась
В какие-то полчаса,
Забрав у земли тепло,
Спустив ледяное зло...
Разруха.
И сделать некому,
Чтоб стало опять светло.

* * *

- Как дела твои, Поэт?
- Ни любви, ни счастья нет.
- Что ж ты чувствуешь сейчас?
- Лживый мир во тьме погряз.

- Ты давно уж не пророк.
- Всё же слышит меня Бог.
- Ты куда теперь, Поэт?
- На тот Свет...

СВЕЧА

1

Тень над могилой тает,
День медленно убывает.
Трава, что вокруг,
По-свойски
Со мной в разговор вступает.

2

Когда старики рыдают,
От голода умирает
Народ,
А поэт доволен
Жизнью,
Его проклинаяют.

3

Волос поседел на голове,
Сердце застучало невпопад,
Лёг на сердце иней по весне,
Голову укутал снегопад.

4

Четки я перебираю:
Не чётки – ушедшие годы.
Снова по чёткам считаю:
Не чётки – убитые дни.

5

В мире тёмном, холодном – точь в точь,
Как свеча я горю, день и ночь.
На чужбине она круглый год
Слёзы горькие горские льёт.

НОЧНОЙ ЦВЕТОК

День закончен,
Цветы все в объятиях сна.
И на отчюю землю
Пришла тишина.

Лишь цветочек один,
Что на камне растёт,
Когда спит всё вокруг,
Темной ночью цветёт.

До рассвета цветёт
И горит, как свеча,
Он горит, как свеча,
Тихой песней звуча.

Открывает глаза свои,
Полные тайн,
И его —
В дивном свете
Качается стан.

И вот этот цветок —
Моей песни ночной
Кровный брат
И неназванный
Родственник мой.

Для поэта
Нет большего счастья
Пока, —
Чем петь песню
Ночного цветка.

* * *

Даден путь извилистый поэту.
На вершинах в ночь —
Туман осел.
В озере мечты плывет к рассвету
Лодочка моих хороших дел.

Облака уйдут, —
Проступят горы.
Есть конец пути...
А за грехи
Мы уйдем,
Покинув землю скоро...
Вечны только звёзды и стихи.

* * *

О, времена!
Ни веры нет, ни чести...
Я стиснул кулаки и зубы сжал.
Среди живущих в зависти и лести,
Смешон я, как зазубренный кинжал.

Но я на хадже был,
Аллаху Слава!
Что мне смешки или хвалы слова?!
Прощаю всех врагов,
Имею право, —
Всевышний так велит,
Ему хвала!

* * *

И подножья гор хватает мне,
И аульской улочки —
Вполне.

Яркой родниковой чистоты,
Радуги, что выдули цветы.

Нужен мне лишь
В наш спешащий век
Средь толпы —
Обычный человек.

ВОЙНА

Каждый день сраженьё принимаю
И иду в атаку – как комбат,
Как снаряды, мысли пролетают,
Пули-дуры без ума летят.

Просыпаюсь, пулею не мечен,
Кто-то смотрит на меня в прицел.
Из кольца врагов опять под вечер
Выползаю снова – еле цел.

Другу я кричу,
Как с того света:
– Жизнь готов за Родину отдать?!
А в ответ: –
Дурак, её ведь нету,
Просыпайся, братец, хватит спать.

За кого ты умереть-то хочешь?...
– Я за Дагестан умру сто раз! –
Кто молчит,
А молодёжь хохочет:
– Нет войны, оставь в покое нас.

Слышу адский свист, аж в жилах стынет...
Пули свист – среди живой лозы...

Раненый лежу я на вершине:
— Дай глоток воды, родной язык.

Кто рождён в горах, умрёт на небе,
На вершине, —
Вот он пьедестал!
...А ты ползай там — внизу,
Ты не был
На войне, когда народ страдал...

* * *

В том краю, где свет увидел я,
Всё горит звезда любви моей.
И меня родившая земля,
Сердцу с каждым годом всё родней.

В памяти минувшее храня,
Позабыв житейскую тшету,
Под звездой аульского огня
Набираю жизни высоту.

* * *

Выбирало друзей само сердце всегда,
А врагов мне на счастье дарила судьба.

Я Всевышнего ради обиды прощал,
Когда ради Аллаха друзей защищал.

Вдруг стал другом мне враг, всё смешалось кругом,
Всё смешалось кругом, когда друг стал врагом.

Кто же лучше, тот враг, что стал другом потом,
Или друг самый близкий, но ставший врагом.

Я не знаю, но ради Аллаха – во мгле
Я стараюсь прощать всем на грешной земле.

Я прощаю врагов, не корю, не виню,
Но друзей, пусть плохих, я на них не сменю.

* * *

Дом отцовский и земля любимых гор
Берегут меня, как добрые родители.
И когда стреляют в спину и в упор,
Прикрывают,
Словно ангелы-хранители.

Материнский глаз дорогу сторожит, –
Жизни смысл прирастает той наивностью.
Гор земля, родное слово, дом, где жил,
Как Всевышний
Берегут своею милостью.

Будет так.
Плывут по небу облака,
Их достать, не хватит самой длинной лесенки.
Песнь моя перелетит через века,
Дагестан с Гонодой –
Два крыла у песенки.

* * *

О, мои гунибские берёзы,
Милые гунибские мои,
Над ручьём, как девы, моют косы,
Косоньки зелёные свои.

Птички вы мои, что синим летом,
Позвончее соловьёв поют.
Цветики мои, что нежным светом,
Только взглянешь, целый мир зальют.

В детстве, словно свечи, вы горели,
Свечечки зелёные мои..
А когда влюбился, в небе тлели
Звёздочки зелёные любви.

О, мои гунибские берёзы,
В косах расплетённых — сквозь года..
Не забыть мне — вас, девичьи слёзы,
Путь в аул Гонода — никогда.

Будет моя память ливнем литься
Над Гунибом, сыпать сотни слов..
Даже перестанут падать листья
С тех берёз, как с прожитых годов.

Сменит пусть сентябрьские укоры
Песнь зимы и нажитой вины,
Ведь уже седин моих узоры
Вам не скрыть, берёзовые сны.

О, мои гунибские берёзы,
Вечные, бессмертные леса.
Молодость гунибская, — сквозь грозы —
Синие в ладонях небеса.

Пусть, когда умру я, и иначе
Запоют на свете соловьи,
Над моей могилою заплачут
Тихие берёзоньки мои.

О, мои гунибские берёзы,
Милые гунибские мои,
Памяти мерцающие звёзды,
Песни нерастроченной любви.

* * *

И был вопрос, —
В последний миг земной
Чьё имя шепчут, уходя, поэты?
И с интересом, все кто был со мной,
Взглянули мне в глаза, услышав это.

В земной юдоли не с кем горе пить,
У всех свои отпущенные сроки.
Чем больше сможешь мир в себя вместить,
Тем больше будешь грустно-одиноким.

В груди заныло...
Древний миф творя,
Мерцали звёзды: «Наше имя это!»,
Огнём холодным душу серебра
И заливая сердце синим светом.

Но вспыхнул в очаге огонь другой:
«Ты воспевал меня в стихах и в пенье,
Хоть счастья нет без Родины большой,
Без малой нет любви и вдохновенья».

А сердце отчеканило в ответ:
«Я тоже не могу быть молчаливо.
Лишь к Богу устремляет взор поэт
В последний миг свой —
На краю обрыва».

И я подумал,
Когда мёртв народ,

В безвременье поэты погибают.
Всевышний лишь терпение даёт,
Жизнь продлевая нам — за годом год,
Ему последний вздох свой посвящаю.

И я взглянул на небосвод седой.
И душу залило блаженства светом.
Когда придёт последний миг земной,
Я к Богу обращусь,
Как все поэты.

* * *

Как облака разрывает
Безудержный ветер,
Так государство моё
Мой народ истребляет.
Как взрывы молний страшат
Всё живое на свете,
Так же отчаянье
Душу мне испепеляет.

Солнца на небе поэзии
Тьмою покрыты,
Сердце в груди поэтической
Бьётся в падучей.
Как же устал от дорог я —
Кривых и разбитых!
Катит земля из-под ног,
Словно падаю с кручи...

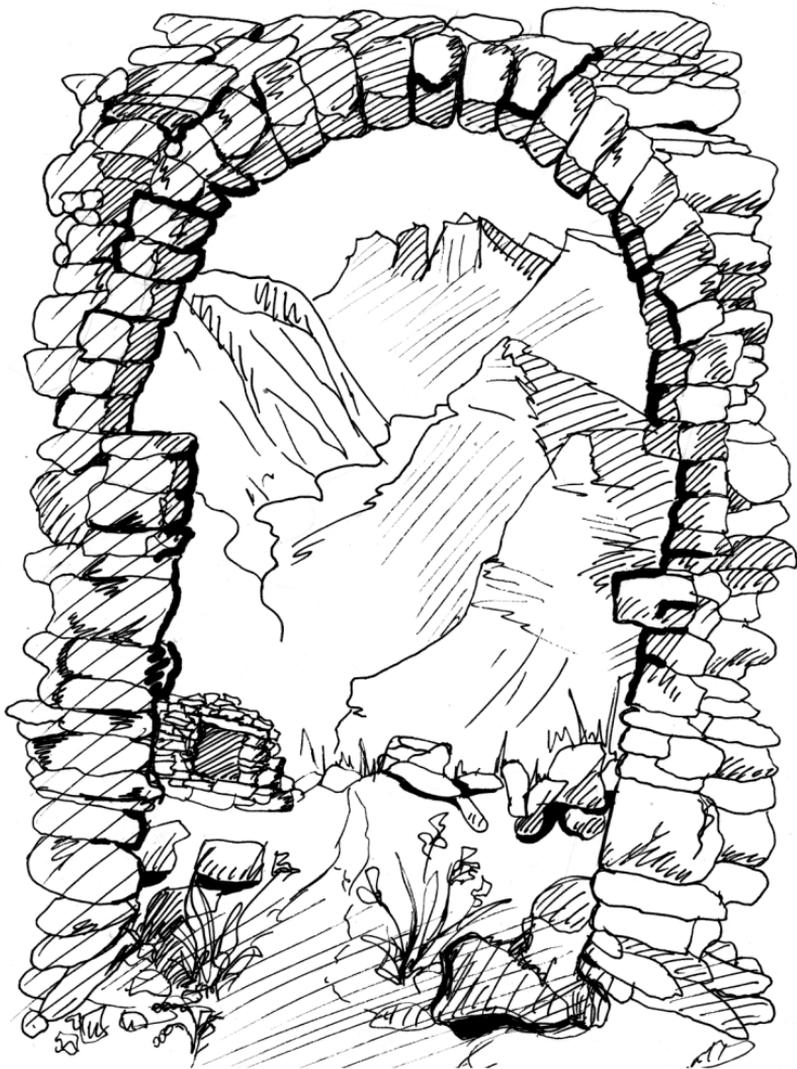
Горцы язык горский свой
Так легко забывают,
Песню, слетевшую с гор,
Прогоняют от дома.
Словно слепцы,
За коварным врагом ковыляют,
Перенимая всё то,
Что давно всем знакомо.

Счастлив бываю лишь в прошлом,
Когда вечерами
Я вспоминаю...

Была ведь — Любовь и свобода...
И, как молитву,
Шепчу я сухими губами,
— О, век двадцатый,
Прости ты меня, ради Бога!

Кто же услышит, поймёт,
Кто потом вспомнит имя? —
Песню пою для немых я
И душу пытаю.
...Сердце ослепшее
Полно слезами немymi.
Горцы-аварцы
Язык свой родной забывают.

РОДНОЙ ЯЗЫК

М.И. Магомедову

О, Дагестан,
Очнись, что дальше будет, —
Язык отцов ребенок забывает?!
Что делать мне? Хоть плач!
В пучине буден
Пришла беда —
Язык мой умирает!

И крик не слышен —
В городах и весях
Мы мечены судьбою иностранной...
О, Магомед,
Моя бессильна песня,
И мой язык кровоточит, как рана.

Довольствуемся мы чужою речью,
Так меда не вкусив родного слова...
Скажи, мой друг, а на каком наречье
Последний вздох свой сделать мы готовы?

Язык и честь —
Перед победным строем
Молитвой были в дагестанском небе.
Коня герой седлал и под героем
Конь звонко ржал в Ахульго и Гунибе.

Но вещей сад родной цветущей речи
Град конца света варварски угробил.
Убийцы мы!
И оправдать уж нечем
Нам кровь отцов, текущую с надгробий.

Друг Магомед,
Язык – дорога к Богу.
На мир гляжу и повторяю снова:
– Забыв язык, теряем мы дорогу.
Ничтожна жизнь без языка родного!

ГОРЦЫ-АВАРЦЫ (Гимн)

Горцы-аварцы живут в Дагестане.
Гуниб и Ахульго —
Их память и гордость.
Не станет их вдруг, меня тоже не станет.
Я сын их — аварец, аварец и горец.

Горцев-аварцев славит мой стих,
Не будет и нет Дагестана без них!

Живут в Дагестане горцы-аварцы.
У них есть язык свой, есть звёздное имя.
Всю мудрость эпох сберегли наши старцы.
Аллах,
Сбереги мой народ меж другими.

Горцев-аварцев славит мой стих,
Не будет и нет Дагестана без них!

Горцы-аварцы живут в Дагестане,
Что против царей поднимали восстанья.
Кинжал Шамиля,
Звуки песен Расула
Народ почитал в самых дальних аулах.

Горцев-аварцев славит мой стих,
Не будет и нет Дагестана без них!

Живут в Дагестане горцы-аварцы.
Их мало,
Но честь велика их с рожденья.
Они ненавидят враньё и коварство.
И жизнь за друзей отдадут без сомненья.

Горцев-аварцев славит мой стих,
Не будет и нет Дагестана без них!

ЧАС РАСПЛАТЫ

Есть в ночи такой час, когда всем очень плохо,
Только дьявол доволен и рад,
Когда рушится жизнь, умирает эпоха
И ведут нас правители в ад.

Время выстрелов в спину, убийц, нуворишей,
Беззащитных, растерзанных вдов,
Когда дом твой растопчут, разрушат и спишут,
Не оставив кровавых следов.

Темнота, слепота. И мутится рассудок.
Вновь разломан изменчивый мир.
И под звон золотых и под смех проституток
В грязь затоптан вчерашний кумир.

И вскипает огонь, словно Божия кара,
Вопиет каждый камень, тропа...
Превращаются в пыль и дворцы, и хибары,
И беснуется в раже толпа.

И ничто не спасёт этих жадных уродов,
Поведут их на лютую смерть.
И воскликнет Господь, —
Тех, кто Родину продал
Не жалеть, даже думать не сметь!

И последних времен понамылив верёвки
Казнь свершают, свершают и вот —

Города полыхают, от крика и рёва
Вновь друг друга не слышит народ.

Плач, один горький плач на безумной планете.
И у братьев по вере – вражда.
Плачут, плачут и молятся женщины, дети
И старухи. И ждёт их беда.

Они волосы рвут, когда плачут над трупом...
И хохочет ублюдочный век.
По мужьям, по отцам, сыновьям – глухо, тупо –
Слышу плач их... И дьявольский смех.

Свет уходит из глаз, как кровяца из раны.
Сердце бьётся, пощады моля.
В час, когда на земле убивают тиранов,
Домом плача бывает земля.

И в Аравию тоже пришёл час расплаты.
Позабывшие Божий Завет –
Люди мир убивают, идя брат на брата.
Это время, где выживших нет!

ВСАДНИКИ

Поборов перевал,
Ускакали усталые всадники,
Думы их далеко от любимых — в родимых домах.
Перед каждым есть путь,
Что сквозь Родину тонкою ссадиной
На чужбину несёт их на взмыленных добрых конях.

Кони взбили дорогу, вдоль скал пропылив многоточием,
Лишь наездники в сёдлах скрипучих, танцуют, плывут
В том безмолвном движенье,
Когда только горы пророчат им
О недолгой свободе — бездонной,
Возможной лишь тут.

Скрылись с глаз они вон...
Но народ в своём выдохе песенном
Имена их веками в сказаньях-былинах хранит,
Ведь в боях за Гуниб и Ахульго,
В том проклятом месиве
Не запятнана честь, коей юный гордится джигит.

Каждый всадник и воин...
Что ждёт нас на жизненном гульбище, —
Или сам упадёшь, или конь под тобою убит...
Но без этого жизнь —
Только путь от рожденья до кладбища,
А безумная скачка — лишь топот усталых копыт.

Но крылат конь поэта –
Бессмертное чудо природное,
И полёт его длится на сказочных этих крылах.
Почему же теперь впереди, как витии народные,
Деревянные всадники на деревянных конях?

* * *

Одинокая горская песня любви
Сиротинушкой-эхом блуждает в горах.
Облака уплывают, зови — не зови,
И цветы высыхают на жёлтых лугах.

«На высокой горе два влюблённых цветка,
А в ущелье, на дне, два любви родника».
Вас глухие не слышат — как будто вас нет,
А слепые вовек не увидят ваш свет.

Беспризорником стал наш язык,
Нелегко
В очаге древнем вещей огонь разыскать.
Но коль некому больше затеплить его,
Даже искорки счастья уже не поймать.

Добрый старый пандур...
Пыль осыпав со струн —
Песня смерти гудит на ветру.

ЭЛЕГИЯ

Где же свою молодость я бросил?
Седина мне песенку поёт:
– Магомед Ахмедов, это осень,
Дальше – царство зимнее придёт.

На вершинах гор, подобных раю,
Нет таких, как там внизу, цветов.
То, что Бог дал, молча принимаю,
Песню о любви пою без слов.

Сердце жжёт в груди, пером Жар-птицы
Двадцать первый век отпыхал:
– Там живых друзей родные лица,
Век легенд и горного стиха.

Век двадцатый –
Двадцать первым – круто
Был растоптан,
Но судьбу храня,
Я – в Москве, у стен Литинститута.
Вот и здравствуй,
Молодость моя...

ДВОЕ

1

Словно ветер,
Несётся пацан
И хохочет от счастья.
Что за радость в душе у мальчика,
Чтоб по полю так мчаться?

Опершись на свой посох,
Старик
Страшно, глухо рыдает.
Что за тягостный горестный крик
Его дух сотрясает?

Как ребёнок, порою я за
Хвост хватаю удачу,
А порой, как у старца, глаза
Некрасиво так плачут.

2

Весь в слезах,
По тропинке, бегом
Пробегают мальчонка.
Кто же душу поранил его,
Обвинил его в чём-то?

Веселясь,
Старый дед без труда
Вдаль спешит по дороге.
Что за счастье нашёл он,

Куда
Понесли его ноги?

Плачу я, как ребенок, порой, —
Нет печальней картины,
Ну, а то,
Как старик удалой
Веселюсь без причины...

* * *

Ночью звёзды на вечном пристанище
Пишут в небе свои имена.
И могильные плиты на кладбище
Отражают их свет на меня.

У могилы отца в одиночестве
Я стою среди каменных плит,
И звезда, что моё пишет отчество,
На меня всех нежнее глядит.

РАЗГОВОР

– Куда летишь-спешишь ты,
Речка горная?
– Лечу-спешу я к морю, к морю рвусь.
И больше никогда,
Девчонка гордая,
Я в эти наши горы не вернусь!

– Куда летишь-спешишь ты,
Житель города,
Всё повидавший на своём пути?
– Спешу я к морю,
Чтобы нашу гордую,
Единственную реченьку найти.

* * *

Смех у речки —
Детский голосочек,
Но река — другим общаться хочет

Языком.
А вот седое море
Всё бубнит со старостью во взоре.

Месяц лишь смеётся надо мною,
Мол,
Ничто не вечно под луною.

* * *

В предвечерний час таинственные тени
Заползают на поэзии ступени.

В час рассвета,
Извиваясь, уползают, -
Солнца веник их, нахохлясь, выметает.

С колыбели так моей.
Им вместе тесно, -
Насмерть с тенью свет воюет повсеместно.

* * *

Дом помнит всё: весёлого меня,
Родной очаг и детство у огня.

И молодость в берёзовом огне.
Гирлянды гор, светящихся в окне.

Дом помнит всё. О каждом нашем дне —
Зарубки на душе и на стене.

В чужом краю уже десятки лет
Мне освещает путь аульский свет.

И в самый трудный день и по ночам
Спасает песня наших аульчан.

Я помню всё. Не забываю я
Родной очаг и детство у огня.

ГОЛОСА

Голоса я слышу, слушаю я их.
Память, словно эхо, отзывалась в них.

В них земля и небо, в них любовь и я.
И ещё вопросы слышу бытия.

Птицами взмывают прямо в небеса
Дорогие нашим душам голоса.

Два из них бессмертны и ведут нас в бой —
Родины единой, матери родной.

АХМЕД ДЖАЧАЕВ,
Народный поэт Дагестана

* * *

Когда среди других попался горький плод,
Огульно стоит ли охаивать весь сад,
Ведь видит Бог,
Что коль один среди всех урод,
Весь сад-то тут причём,
В чём сад-то виноват?!

Подонка в жизни ты вдруг встретил
И не рад,
Ведь ядовитый плод ему, как сводный брат.
Да что там говорить,
Тот человек – урод,
Но надо ль возводить хулу на весь народ?

ДОРОГА

Как много по жизни дорог
Расползлось во все стороны:
На Север, на Юг,
А какие-то выются кольцом...
Одни ведут в Свет,
Над другими уж каркают вороны,
Пойдешь напрямик, —
В грязь ударишь с размаху лицом.

А если кому —
Под луной, тёмной ночью накрытою,
Посмею всадить под лопатку я
Ножик стальной,
Дорога у ног зашипит вдруг
Змеёй ядовитую
И сдавит мне горло
Заслуженной мёртвой петлёй.

КОСЬБА

Когда бы острую косу мне дали в срок,
Которой на лету б смог срезать волосок,
Не стал бы вслед другим идти я в том краю,
А вспомнил бы мечту бесценную свою.

Я б не пошёл, как все,
Проторенным путём,
Я б новый пролагал путь ночью или днём,
Окашивал бы те я тропы там и тут,
Что к человеческой меня душе ведут.

У ПРОПАСТИ

На краю у ущелья,
Над бездной, где нет и просвета,
Только чёрная мысль над злодеем,
Как коршун, летит:
«Вот сейчас бы прохожего взять
И столкнуть в бездну эту,
Чтобы он никогда не нашёл бы обратно пути».

А коль доброе сердце
Кого-то ведёт по тем тропам,
Он мечтой загорится,
Пусть замысел этот непрост:
«Хоть придётся напрячь свои силы,
И знания, и опыт,
Хорошо бы раскинуть над бездною
Каменный мост».

НЕТ СПАСЕНИЯ

В океане суровом десятки веков,
Где бермудские тайны страшат моряков,
Гибнут, тонут,
В густом пропадаю тумане,
Корабли,
Не увидев огня маяков.

Треугольник Бермудский весь в тайны одет,
Но другой разрешить я пытаюсь секрет,
Отчего,
Что ни день, мой сосед-алкоголик
Тонет в рюмке простой,
А спасения нет.

КИНО

Бывают в жизни листопад и камнепад,
Мгновенья, как в цветном кино, летят.
И в нашей жизни,
Часто неразумной,
Об очень многом людям говорят.

Старик седой,
Считая их, ворчит,
Плод из утробы просится в ночи.
И с черно-белой плёнкою механик
Проектор крутит
И молчит, молчит...

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Суэта-маета бесконечная нас достаёт.
И с кряхтением старость подходит,
Терзая нам плоть.
Только сердце, друзья, этой старости не признаёт,
И ни годы, ни грозы не в силах его побороть.

Не мальчишка безусый
Мой ласковый, добрый сосед,
За любовь и за песню
Готов на коне он в поход,
А ему, не поверите, вы —
Без недели сто лет.
Просто сердцу его восемнадцать,
Вот так и живёт...

ОТЦОВСКАЯ РУКА

Отчую руку воздев на сыновье плечо,
Старший — по праву на сына глядит горячо.
Смотрит и жаждет услышать ответ, что непрост,
— Кто самый сильный.
Ответь-ка, сынок, на вопрос?

Замер, как дуб, сын, над коим разверзлась гроза.
— Я самый сильный! — сказал и не спрятал глаза.
Дважды отец повторяет вопрос,
Наконец,
Сын замечает, что брови нахмурил отец, —

Переживает, не знает, что делать и вот
Снова отец тот же самый вопрос задаёт,
Словно томится, уже не глядит горячо,
Руку свою не кладёт на сыновье плечо.

Сын отвечает уже без былой прямоты,
— Знаю, отец, что сильнее всех, конечно же, ты...
Был опечален отец и не знал, что сказать,
Стал над сыновьим ответом таким рассуждать...

— Да, не понять старикам — молодых вас подчас,
Слишком уж двойственно ты отвечал в этот раз.
— Знаешь, отец, я тогда был и вправду силён,
Этот ответ мой заранее был предreshён, —

Всё потому, что до этой вот самой поры
Сила моя была, как у огромной горы.
Всё до тех пор, пока ты, мой отец,
Сгоряча
Руку не снял с моего молодого плеча.

ХАНБИЧЕ ХАМЕТОВА,
Народная поэтесса Дагестана

УЗОРЫ МОРОЗА

Я совсем одна.
И сидя у окна
Я сейчас сосредоточенно тоскую,
А в окне моём мороз и тишина,
И мороз ворчит, — Тебе, тебе рисую...

Ох, узор выводит бабушка-мороз,
Бородой водя, как колонковой кистью.
На стекле букет весенних белых роз:
Стебельки видны, бутоны, даже листья.

Вот бубончики,
Те самые цветы,
Что дарил ты мне тогда, в начале лета...
Красота, мой друг..
Где я теперь, где ты?
Но мороз, мороз-то как узнал об этом?

А вот это листья,
Листья с моего —
Разукрашенного свадебного платья.
Золотая осень, смех и торжество.
Но мороз-то, в общем, не имел понятия...

Безупречна, но морозна красота!
Прикоснуться к стёклам хочется щеками.
Прикоснулась.
И растаяла мечта,
Но вонзилась в кожу снежными гвоздями.

Полинял,
Совсем испортился узор, —
Пропотела дырка в сказочном узоре.
Дед мороз сердитый всем опять назло
Бородой своей размахивать стал вскоре.

Мыслей столько,
Словно выпила вина,
И зачем на них зациклилась я всеу?
Одинокая сижу я у окна,
А мороз опять мне жизнь мою рисует.

* * *

Тополь скрипит молодой и красивый:
Листья из шёлка и шляпа из фетра,
Модный и стройный,
И с виду счастливый, —
Может, страдает от натиска ветра?

Много он слышит и видит далёко,
Может, задумал из дома он бегство?
Но на высокой скале одиноко
Так простоять суждено ему век свой.

Может быть, ждёт он корабль у причала,
Ждёт с незнакомкой, укрытой туманом.
Ну, а быть может,
Я очень устала,
Просто своим он красуется станом.

Тополь скрипит молодой и красивый,
Словно поёт на ветру в счастье дверца,
Тополь скрипит, такой с виду счастливый,
Может, не тополь в слезах, — моё сердце?

Встречным, а может, и всем поперечным
Я улыбаюсь.
Решила и точка.
Тополь, мой тополь, сотайник мой вечный,
Как же живётся тебе в одиночку?!

* * *

Волна морская, мне не угоддай,
Кокетничать с тобою я не стану,
И ноги мои нежно не ласкай,
Соль волн твоих
Мне просто – соль на рану.

Не восхваляй меня на все лады,
Меня не обхитрить волною пенной,
Ты, как цыганка,
Капельки воды
Не выдавай за жемчуг полноценный.

Всю жизнь я шла дорогой к роднику,
Зарю встречала,
Как встречают старость.
Не отбирай, волна, мою клюку,
Я на неё надёжно опиралась.

Мне воды родниковые легки, –
Искрятся серебром в кувшине медном.
А твои воды, море, глубоки,
Но для души,
Поверь мне, неприметны.

Не жди, что как-нибудь я полюблю,
Тебя, забыв всё то, что прежде было,
Что нету больше места кораблю
В моей душе,
И всё куда-то сплыло.

Корабль надёжно спрятали,
Куда
Не говоришь,
И сделалась солёной
Хрустальная из родника вода,
Причёска –
Сединою опалённой.

С обидою ты, море, не вздыхай,
С тобою я витийствовать не стану.
И ноги мои нежно не ласкай,
Соль волн твоих мне просто –
Соль на рану.

**ЮСУП ХАППАЛАЕВ,
Народный поэт Дагестана**

НАД НЕПРИСТУПНЫМИ ГОРАМИ

Над неприступными горами,
Там,
Где поэт мечты пасёт,
Орлы сидят под облаками
И видят абсолютно всё.

Дома их созданы веками,
В глазищах – звёздные костры,
Крыла обточены ветрами,
И когти, как кинжал, остры.

Ягнята тура, словно дети,
Скача,
Пускаются в бега,
Наверно, места нет на свете,
Что не топтала б их нога.

Луга зелёные и склоны
В камнях, в кустарниках сухих...
Они здесь тоже,
Тожe дома.
Ну, кто ж догонит их таких?!

НА ПОГОСТЕ

Могильное время стоит на погосте, —
Хозяйка средь тёмных камней,
А не гостя.
И все семена, что схоронены тут,
Уже никогда из земли не взойдут.

А люди, от коих осталось лишь имя, —
Ничто их уже к нам сюда не поднимет.
Лишь камни — свидетели вечных разлук —
Лежат, словно груз —
Плод работ ваших рук.

О, предки, простите порыв добрый мой,
На миг потревожу ваш скорбный покой.
Ведь здесь, —
Я на миг позабудусь мечтами, —
Могла бы земля вдруг покрыться цветами.

Сердца ваши к жатве — осенней порою —
Могли бы пшеницею стать золотою.
Наш край ещё больше бы стал уважаем,
Когда бы взошёл вдруг таким урожаем.

А если б мечты вашей жизни смогли
На свет появиться из этой вот мглы,
Какие б сады тут вокруг зашумели,
Какие бы птицы на ветках запели!

Но, чу! Тишина.
И никто не ответит,
Лишь с веткой акации шепчется ветер.
Да горная речка поёт и смеётся
О жизни,
Что только один раз даётся...

ШЕЙИТ-ХАНУМ АЛИШЕВА,
Народная поэтесса Дагестана

СВОБОДА

Бык пыхтит, -
В тёмной потной шкуре
По живому несётся бурей,
Всё сметая...
Дорога сбита, -
Смерть и смерч на стальных копытах.
Нет цветов. И трава убита.

Дыбом шерсть, -
Ураган рогатый,
Он стоит на горе покатою,
Смотрит вдаль и вздыхает глухо.
А на роге его, над ухом, —
Солнца диск —
С пропоротым брюхом.

И СЕГОДНЯ

Письмо опять сегодня не пришло,
Вновь руку маю протянул апрель.
Мой день вчерашним снегом занесло.
И разыгралась под окном метель,
Хлеща ветрами,
Снег с небес – крылатый,
Словно отару,
Погнала куда-то...
– Что за погода, только посмотри!
Метель всё воеет, душу теребя,
Не видно света и уже дня три
Жду весточку хотя бы –
От тебя.
Но разгулялась, разошлась метель.
Так руку маю подаёт апрель.

ЗА ЧЕРТОЙ

Не надкушено яблоко
И не выпита чаша сомнения.
Виноград,
Не раскрыв тайну вкуса,
Насторожен в углу стола.
Превращённая в радугу —
Щедрой рукой провиденья,
Забывает бумага,
Что когда-то белой была.
Перезревший внутри, знойный фрукт,
Ты испробуй, однако,
Нас созревших давно —
За чертою чернильного мрака.
...На запястья надев
Тяжесть вычурно-звонких браслетов,
Нарядившись шутком,
Щёки выбелив глиной весьма,
В узел чувства связав,
Отвернувшись от белого света,
Над обрывом застыла
Кромешно-надгробная тьма.

ВО МНЕ

Гранат,
Разорванный налившимся зерном – мой,
И мой –
Искрящийся лучами солнца –
Снег зимой.
Мои –
И заросли всех розовых кустов в цвету,
И те колючки, и шипы,
Что на стеблях растут.
Серпастым месяцем срезая облака
И молниями выжигая неба дно,
Для нас –
Рождается вся в звездах ночь,
И в той ночи,
Где мы с тобой –
Одно –
Гранат –
Разорванный зерном – во мне,
Во мне –
Искрящийся лучами снег во тьме,
Во мне –
И этих самых роз кусты в цвету,
Во мне –
И те шипы, что на стеблях растут.
И я внутри тебя...

БАБОЧКА

Ветром бабочку гонит,
Словно за ней погоня.

Ива, задрал край платья,
Открыла ветвей объяття:
– Прячься, бабочка мигом!

Меж листьев и веток бабочка
Чуть розовеет закладочкой –
В зелёной закрытой книге.

МАЛЬЧИК, РАЗНОСЯЩИЙ МОЛОКО

О, мальчик,
Я б сравнила тебя с птицей,
Что свистом будит утреннюю тишь.
Звенишь пустым бидоном ты над улицей,
Когда над нею весело летишь.

ТРАВА

Напои меня запахом трав,
И верну тебе жизни начало,
Разнотравьем мне душу обдав,
И верну тебе жизни начало,
Вкус травы я хочу распознать,
И верну тебе жизни начало,
Завязь жизни постигнув, как мать,
И верну тебе жизни начало.
...А когда я умру,
Сквозь года
На меня не гляди в исступленье,
Приглядишь,
И увидишь тогда
Надмогильной травы шевеленье.
Ты живи,
Но траву ту не тронь, —
Это я возвращаю огонь...

НЕ ПОНИМАЮ

Сижу у ворот,
Тут летает пчела.
— Я эту пчелу понимаю.
Льёт дождь,
Благодать, посылая в поля.
— Я этот дождь принимаю.
Бегают мальчик по лужам босой,
Встречных, шутя, обливая водой.
— Мальчика я одобряю.
Медленно солнце раскрыло свой зонт
И опускается за горизонт.
— Солнце я понимаю.

— Что ты тут села, у этих ворот? —
Что здесь ответить,
Не знаю...
Солнце уйдет —
И исчезнет с ним свет,
Ты спросишь, не выслушаешь ответ.
Тебя я — не понимаю.

АБДУЛЛА ДАГАНОВ,
Народный поэт Дагестана

ЦЫГАНКА

Ах, цыганочка моя – ты хитрозлая,
Твой характер лисий мой смутил покой.
Что за баба, даже пуля удалая
Не угонится порою за тобой!

Как танцуют эти плечи молодые
Да под гривой вороных твоих волос,
Ну, а глазки озорные – ножевые,
Что за чёрт их на погибель мне принёс!

А в ушах звенят, звенят луны монеты,
Словно ты, смеясь, их с неба сорвала,
На груди дрожит серебряное лето,
Что в разгул пустилось ночью со двора!

До утра во лбу, как в старой сказке светит
И горит, сгорая, синяя звезда,
Ты плывёшь как чёрный лебедь вдоль рассвета,
Исчезая в светлой дымке без следа.

Я к тебе совсем любовью не страдаю,
Но и в душу от тебя не скрою дверь,

И слова твои пустые вспоминаю,
Видно, чем-то ты взяла меня, поверь...

Сколько раз в Махачкале, не беспокоясь
Ни о чём, в моей копалась ты беде
И читала ты ладонь мою – как повесть
О любви, давно прошедшей, о судьбе...

Каждый день опять свой выбираю путь я,
То, что скоро буду счастлив, ты не ври!
Расскажи ты мне, смогу ль когда-нибудь я
Успокоить своё сердце от любви.

Ах, цыганочка моя – ты хитрозлая,
Твой характер лисий мой смутил покой.
Не кокетничай, ведь пуля удалая
Иногда поспеет даже за тобой!

* * *

Не спеши, под лиственной кроной
Посиди ещё со мною ты,
Ведь в саду прекрасные бутоны
Не раскрылись в нежные цветы.

Не спеши, соловушка печальный
Как и прежде о любви поёт.
Он не о подруге ли ночами
Грустно-грустно трели выдаёт?

Не спеши, — страдать, так лучше вместе,
Вместе легче горесть и беда.
Жили мы с тобой как в доброй песне,
Повторится ль это всё когда?

Друг от друга глаз не отрываем,
Прямо как из книги про любовь...
И плечами искры высекаем,
Даже в жилах закипает кровь!

А в садах прекрасные бутоны
Не раскрылись в нежные цветы.
Не спеши, под лиственной кроной
Посиди ещё со мною ты...

* * *

Что-то грустно сердце застучало...
Как тоскливо без родимых гор!
В Подмосковье тишина настала,
Я берёзок слышу разговор.

Соловьи врываются без страха
В тишину, как будто здесь одни.
Где-то рядом с дачей Пастернака
Бьёт, как у подножья гор, родник.

Вмиг туда уносят мысли-кони,
Где костры друзья отцовы жгут —
Чабаны седые, как на троне,
Сидя в бурках, разговор ведут.

Где-то воёт волк в ущелье диком,
Грозно отвечает волкодав,
Чабаны-мальчишки пляшут лихо,
С песнями смелее волка став.

В эту ночь у дачи Пастернака,
Загустив, я головой поник,
Потому что в сердце вдруг заплакал
Памятью чабанский тот родник.

* * *

Отстрадав, отплакала душа
И забылась в старой грустной песне,
В памяти, как угли, вороша
Дни, которых не было чудесней.

Вращивал я дерево любви,
Так плодов попробовать не смея.
Распуская волосы твои,
Не посмел я стать чуть-чуть смелее.

Шквал любви во взглядах бушевал,
Но доплыть до берега мечты я
Не успел, пришёл девятый вал,
Захлестнули волны нас крутые.

Не вернуть денёчки те назад.
Листья на ветвях затрепетали,
Не о нашей ли любви шумят,
О той клятве, что мы не сдержали?

* * *

Годы, как листки календаря,
Кружатся и падают в ладони.
И подранком алая заря,
Вздвогнув, в темноте житейской тонет.

Сколько было их, весенних слов,
Что зимой – как кость в собачьем горле?!
От весны осталась нам любовь.
От любви – страдание и горе.

Мы как два обветренных ствола.
Ветер гнёт деревья год от года.
И трещит и сыплется скала.
И меж нами трещины проходят.

ДЕВУШКА, КУПАЮЩАЯСЯ В РЕЧКЕ

Ива над речкой стоит, замирая,
Нежная тень, как нездешний цветок,
Чуть шелохнулась и, робко ступая,
К свету пошла – в серебристый поток.

Чтоб не спугнуть, целомудренно ива
Ветви свои распростерла в зенит...
Чтобы сердечко смеялось, игриво
Речка, дробясь, колокольцем звенит.

Вдруг обнажилась, как солнце земное,
Грудь золотая...
О, Боже, скажи,
Как не ослеп я, увидев такое,
Воочию тайную страсть пережив?

* * *

На земле, в родимом доме,
Чтоб жилось легко и вольно,
Что же нужно человеку
Изо всякого добра?

То ль в горах отары тучной,
Закромов, как чаши полной,
То ль, звенящего в карманах,
Золота и серебра?...

Жизнь, клянусь, что я об этом
Не имел и раньше думы.
Не стремился трон занять я.
Наступив на чью-то тень...

Так чего ж мне не хватает
На земле, в родимом доме,
Чтоб не помнить о насущном
Каждый, каждый божий день?

Не хочу – отары тучной,
Закромов, как чаши полной,
Денег тяжкие карманы,
Злата-серебра запас...

Мне бы жить с той, самой лучшей,
С той красавицею гордой
Стройных гор Кавказских, что же
Лучше может быть у нас?!

И тогда в земле родимой
Как в раю б нам жить досталось,
Жизнь, как озеро под солнцем,
В её взглядах бы плескалась...

Шла бы жизнь легко и вольно
На земле, в родимом доме.

* * *

Каменистые тропы на горных вершинах,
Через скалы вас кто проложил напролом?
Это мы! — слышу я голоса над долиной
Аксакалов почтенных в ауле моём.

— Кто аулы построил в горах, кто вначале
Эти камни обтесывал в снег и в жару?
— Это предки твои, говорят аульчане,
Научись же и ты этому мастерству.

— Кто поля распахал, что долины устлали,
В землю души вложив, кто народ накормил?
— Это я! — слышу пахаря голос усталый, —
Эту землю я потом обильно полил.

Горцы, горцы мои, ваши добрые руки
Жизнь в горах изменили. Пред вами в долгу,
Говорю вам спасибо за труд ваш, за муки,
Посылая вам стих этот, —
Всё что могу..

* * *

Шумит печально дерево в саду,
Где целовались мы ночной порою,
Щебечут птицы, словно в том году, -
Поют, быть может, и о нас с тобою.

Ах, как же это было всё давно!
Закат в шуршащих листьях полыхает...
Зачем опять смотрю в твоё окно?
Жизнь протекла, как речка протекает.

* * *

Порой, швырнув перо ко всем чертям,
Встаю, утратив искру вдохновенья.
Как листья мысли пляшут по углам,
Разбросанные ветра дуновеньем.

Куда вы делись, кто вас мог украсть,
Тупые мысли гаснущего века,
Где та святая бешеная страсть —
Раздать всю душу людям-человекам?!

Ох, быть бы мне крылом того орла,
Что так уверен в дружбе с небесами.
Ты, сизый голубь, тот, чей дом — скала,
Твоими в мир хочу взглянуть глазами.

Пусть рыбы, что безмолвствуют в морях,
Мир нарисуют, не жалея краски,
И тур, что ночью носит на рогах
Звёзд бездны, мне рассказывает сказки.

Без этого не жить мне, словно вор
Вонзил мне в душу нож...
И плачет рана,
Что я пришел с вершины вечных гор,
Оставив сердце в пелене тумана...

* * *

Альфий

Мне бы саблю,
Чтоб рассечь эту ночь,
Что сковала мою грудь на беду.
И по берегу песчаному прочь,
Одинок, как тур в горах, я бреду.

День пропил я в ресторане «Гагрипш»,
Разожгло вино остывшую кровь.
Опьянеть хотел я,
Что ж ты молчишь,
Чтоб забыть тебя, себя и любовь...

В сердце море заштормило с тоской...
Я бегу.
Ты где-то там.
Как в кино...
Море Чёрное бурлит за спиной,
Будто между нами только оно...

* * *

Моя рука бездарна, не вольна
Небесный лик твой передать бумаге.
Твоя улыбка – спелая луна
Меня сжигает и пьянит, как брага.

Твой нежный взгляд – хоть не даёт уснуть,
Подлунный сумрак умиротворяет.
И первый робкий луч, в горах блеснув,
Цвет тела твоего напоминает.

Когда метлою золотых лучей
Сметает солнце темень, – тает дрёма.
Я вновь смотрю из комнаты своей
В окно твоего заспанного дома.

А вдруг рассвет встречаешь ты без сна,
Твоим мечтам в груди упругой тесно,
Расчёсываясь, смотришь из окна,
И с птицами летит тихонько песня?

А я горю, я не умею петь,
В моей груди льды северные тают,
Могу любовью шар земной согреть,
Весь шар земной...
Лишь про тебя не знаю...

* * *

Всё равно ведь – поздно или рано
О любви сыграю на пандуре.
Как страдает зверь в тисках капкана,
На своей испытываю шкуре.

Может быть, любовь мою, измучив,
Заманили, бедную, в засаду.
Гром гремит, надсадно плачут тучи,
Льются слёзы вперемежку с градом.

Там блеснёт огонь, там выстрел грянет.
Это знак, –
Бежать к тебе, родная.
Реку вброд перехожу. И тянет
В омут,
Но спешу к тебе со дна я.

Слышу зов в ночи почти беззвёздной,
Это ты идёшь ко мне по краю...
Про любовь, про первую,
Хоть поздно,
На пандуре всё же я сыграю.

* * *

Тот же взгляд, улыбка та же,
Губ неяркая помада,
Ямочки на щечках,
Словно
Булькание родничка.

Волосы укрыли плечи,
Словно кисти винограда...
Сам не свой я,
Лик богини
Увидав издалека.

Как на крыльях пролетела,
Душу забрала и тело.
И пропала в дымке дня.
Но не из сердца у меня.

В СТАМБУЛЕ

Другу Хабибу Гаджиеву

Друг мой старый Хабиб,
Я вовек не забуду ту осень, –
Как нас «Ту» серебристый
В Стамбул перенёс, наконец...
И как в тучах сплошных
Мы увидели яркую просинь.
Как нас в путь провожал
Арацилов – прекрасный борец.

Вот и он – древний город!
И в поздней ночи нашим взорам
Бездна звёзд отворилась
(Такое запомнишь навек...)
И как золота слитки
В шипящие воды Босфора
Звёзды стали летать,
Отражаясь в них, как фейерверк.

И над Мраморным морем –
Сквозь мост – как летающий катер
Наш помчался автобус
По звёздам, дрожащим в воде...
Снизу гавань светилась
Судами, что встали в фарватер,
Ресторанов огнями,
Сердцами счастливых людей.

Мы под самое утро
Вернулись в отель «Хамидини».
И на город обрушился
Вмиг прозаический дождь.
Ну, а пением турок
Будили уже муэдзины,
Город наш просыпался,
Качаясь, как мокрая рожь.

Побывали везде
И гуляли по разным мы странам,
Но сквозь сумрак и дождь,
Сквозь обыденный шум — только здесь
Нам, как равным почти,
Как друзьям и приятелям старым,
Открывал свои тайны
Великие город чудес.

И сверкающих древних мечетей
Леса минаретов,
Что до звёзд достают
Головами своими легко,
И дворцы властелинов,
Залитые волнами света,
Это летопись судеб
Ушедших забытых веков...

А на улочках тесных —
Сегодняшней жизни картинки:
И цеха, где дублёнки шьют,
Вширь уже рвутся и ввысь,
И, набитые всяким товаром,
Восточные рынки

С европейскою жизнью
Естественно переплелись.

Этот город большой
На огромных ладонях качает
С двух сторон нежно море,
Храня его сон... Только вздох
Из пучины морской раздаётся.
И всходят ночами
Миражи древних храмов,
Дворцов из ушедших эпох.

Они помнят монархов,
Им снятся шуты и вельможи...
Но сегодня их могут,
По слухам, пустить с молотка...
Эй, дружище Хабиб, может, скинемся,
Хватит, быть может,
И у нас «долларей»,
Чтоб участвовать в этих торгах?

А на том берегу,
Где гаремы цвели Султан-Бегов,
Торговали базары
Девическим спелым плодом,
Нам с тобой так хотелось,
Чужой красоты не изведав,
Посмотреть на красавиц-турчанок
Хотя бы глазком.

Но любящие спутницы
Чётко блюли нас и строго,

И готовы за нами пойти были
В рай или в ад,
За тобою жена Бурлият
Шла — как тень по дороге,
А за мною след в след —
Ненавязчиво — дочка Хабсат.

Островков в этом море —
Приедем — даже с излишком...
И судьба есть у каждого тут
И история есть.
Я не знаю, остался ль — дворец,
Или скромный домишко,
Иль клочочек земли,
Что глаза не обшарили здесь?

Я доволен безумно,
В душе просто райские куши,
Когда рядом мой друг...
И о чём ещё Бога просить?
Я прошу, пусть продлит
Наши годы Аллах всемогущий,
Чтоб поездки такие
Ещё нам не раз совершить...

Друг мой старый Хабиб,
Дружба — этого мира основа.
Ту осеннюю Турцию
Я не забуду вовек.
И да здравствует он,
Нас у трапа встречающий снова,
Проводивший нас в путь —
Арацилов — родной человек.

ПОЭЗИЯ

Взошла звезда, в одно слились деревья,
В ущельях гор повеял холодок.
В коше чабанском, как затворник древний,
Я слушаю речушки говорок.

Чу, тихий звук, – зверь это или птица,
Шайтан бродячий из иных времён?
Но тишина, быть может, мне всё снится?
Но это очень странный чудный сон...

Нет, я не сплю, хотя огонь не гаснет, -
Какое-то томление в груди,
Как перед встречей с девушкой прекрасной,
Которая вот-вот должна придти.

Но то не страсть любви, когда на крыльях
Взлетаешь в предвкушении чудес.
Быть может, испытать коварной былью
Меня – спустилась ангельша с небес?

И вот её горячее дыханье
Ласкает грудь безумства на краю...
И не в коше чабанском то свиданье,
А я уже давным-давно в раю?

Но тишь вокруг. И я обескуражен,
Но что же кружит голову, зовёт,
Манит и соблазняет душу, даже
Плоть брeнная вдруг просится в полёт.

Но, словно в руки взявши на мгновенье
Себя, я стал пытаться у пустоты:
— Кто ты, ответь, разве мои сомненья,
Зачем покой мой нарушаешь ты?

И я услышал на земном наречье
Тот голос из иного бытия:
— Молчи, о, смертный,
Ты сегодня вечен.
Я Муза, я Поэзия твоя!

У ПАМЯТНИКА ЗОЕ

Суров мороз в ближайшем Подмосковье.
И нити снежные с самих небес висят.
И каждая берёзка с думой вдовьей
Стоит, как забинтованный солдат.

И вековые сосны, как медсёстры,
Склонились над израненной землёй.
Я живо так представил всё, так остро
Почувствовал, как на плечо мне просто
Легла рука истории самой.

Я вдаль гляжу, там смотрит с пьедестала
Простая девушка, герой страны своей,
Что в восемнадцать лет легендой стала...
А столько ведь и дочери моей...

И сверлят мозг мой мысли неотвязно, -
А вот смогли бы нынешние так,
Крутые Афродиты жизни праздной,
Когда б в страну пришёл жестокий враг?!

Нет, прочь сомненья, все России дети
Гордятся теми, кто судьбу свою
Не растерял, кто смерть лихую встретил,
Как эта русская, — за Родину в бою.

Суров мороз в ближайшем Подмосковье.
Снег перестал, теперь пошёл опять.

И каждая берёзка с думой вдовой
Тот памятник пытается обнять.

Стоит девчонка каменная гордо,
Несломленная смотрит вдаль она.
Она погибла. И в её-то годы!
А значит,
Родина-Россия жить должна!

* * *

Что в мире переменном долговечней:
Скал неприступных твёрдость и размах
Иль бурная стремительная речка,
Что путь себе пробила в тех горах.

О, горы,
Век вам гимны буду петь я,
В коше чабанском празднуня рассвет.
Но я уйду,
И улетят столетья,
А вы и не посмотрите вослед.

Вот солнце, —
Словно сказочное древо,
С глубин небесных встало во весь рост.
В руках-ветвях — лучами полный невод
С гирляндами мерцающими звёзд.

Моря кипят,
Бурлят и днём и ночью.
Как мясо, что в котлах у чабанов...
Аж волны в небо бьют,
С какой же мощью
Вас опалает пламенем веков!

Эй, ветер,
Есть ли место на планете,
Где отдыхаешь от своих забав,
Или боишься, что под утро в сети
Тебя поймут, крылья обломав?

Вопросы бытия...
И надо мною
Разверзлась бездна...
Я ищу ответ.
И я повис меж небом и землёю, -
Не Бог, не человек,
А лишь поэт...

* * *

– Судьбе слепой не поддавайся, –
Твердили горцы,
– Выжить чтоб,
Будь прям и твёрд, с судьбой сражайся,
Будь прям и твёрд, но не как столб.

Он треснет, только его скрутит
Бедой, пришедшей издали.
Упругим, гибким будь, как прутик,
Ты гибким будь,
Но не юли.

* * *

Плакал дед, когда, страдая, умирал,
И кинжал рукой костлявою сжимал.
И бежали молча слёзы по металлу,
Как враги его,
Когда он их сражал.

Он к щеке клинок зазубренный прижал,
Словно кровью,
Обагрил слезой кинжал.
Нет, не с жизнью старый горец расставался, —
Он последний раз кинжал в руках держал.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Прилетала, как на крыльях, к роднику,
Где коня поил водой ты ключевой,
Но умчался,
Улыбнувшись на скаку,
Не позвав меня, джигит мой, за собой.

В роднике вода печально так журчит
И звенит в кувшине песней о любви...
Приезжай же напоить коня, джигит,
И с собой в дорогу,
Милый, позови.

* * *

Всё ярче солнце,
И в цвету
Кругом всё, золотом залито.
Из века в век сердца джигитов
К нему взлетали в высоту.

А ночью —
Томный блеск луны.
И грусть окрашивает лица.
Всегда горянки, словно птицы,
Бросались в пропасть с крутизны.

ГДЕ, СКАЖИ, ЛЮБОВЬ МОЯ

Сергею Соколкину

Юность, словно жеребёнок,
Пронеслась со свистом.
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?
Ведь на ржанье жеребёнка
Эхом серебристым
Много лет не отвечают уж
Караха скалы.

Речка, что свой путь пробил
По ущельям горным,
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?
Ведь под ропот волн бессонных —
Непокорный, гордый —
Руки матери
Мою здесь колыбель качали.

Эй, подснежник, что в сугроб
Влез, как в гости к милой,
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?
Лепестки твои упруги
Ласковою силой.
Их и зимушка-зима
Ведь непоистрепала.

Соловей, поющий песни
На ветвях высоких,
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?
Под мелодии полночных
Песен одиноких
Сердце бедное моё
Так горько тосковало.

Вы, весенние снежинки,
Что в ладонях тают,
Подскажите, где любовь,
Почему пропала?
Как и вы, совсем внезапно
Годы улетают,
Испаряются на небо —
Словно не бывало.

Ветерочек, теребящий
На висках седины,
Где, скажи, любовь моя?
Так пропала странно...
Отвечает мне проказник:
«Плакать нет причины,
В сердце у тебя любовь,
Не стареют раны...».

***АМИНАТ АБДУЛМАНАПОВА,
Народная поэтесса Дагестана***

* * *

Был страстный зов любви,
Его за шутку
Я приняла ещё давным-давно,
Потом был страстный взгляд,
Одёрнув юбку,
Взглянула равнодушно я в окно.

Теперь глухой я стала —
Даже к фальши,
Не слышу больше зовов никаких,
Да и слепа совсем
И взглядов ваших
Не надо мне ни тех и ни других...

* * *

Цветы любви в долине расцвели
И ждали нежных губ твоих весенних,
Но ты не смог сорвать их, —
Был вдали,
И высохли они, и стали сеном.

Покрыты горы в летний час ковром
Цветов и трав,
Что тоже ждут признанья
И нежных, тёплых взглядов,
А потом
Покроет снег их разочарованья.

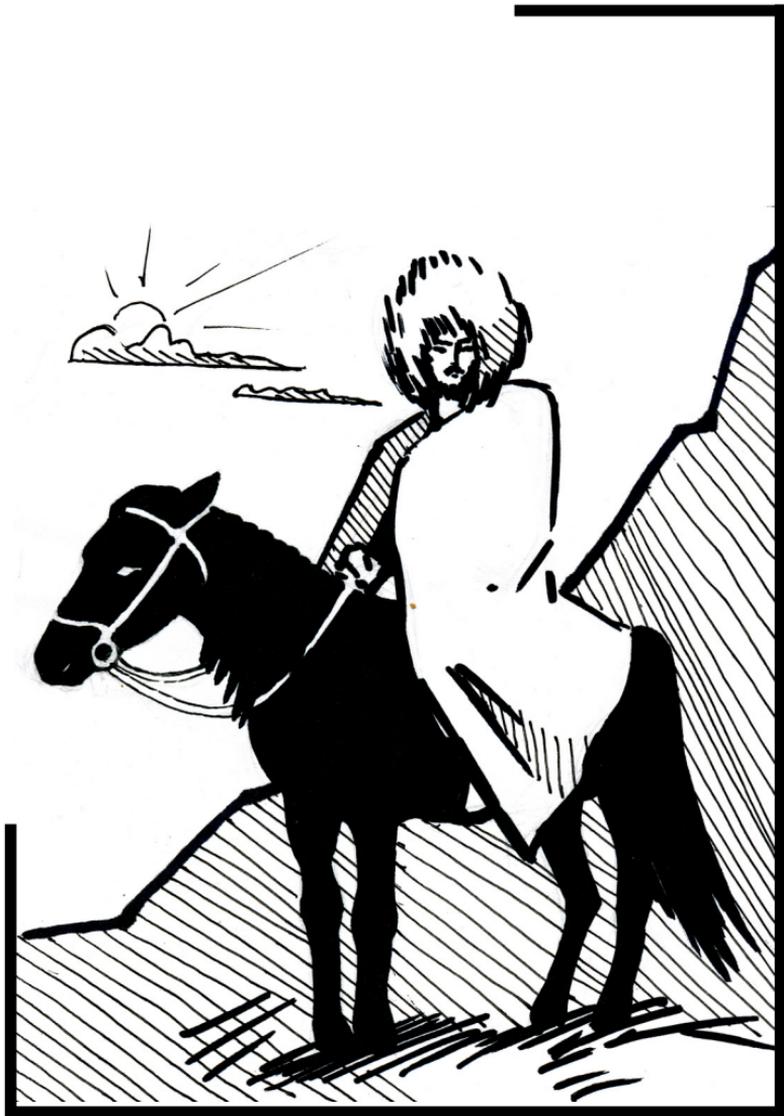
ЦВЕТЫ

В мир иной ушёл чиновник,
Вскоре –
Над могилой мрамор и гранит,
И цветов немислимое море
У подножья тихо шелестит.

Мне не жаль детей его –
Богатых –
Жаль мне тех – безрадостных цветов.
Собираю бедных их, помятых,
Словно растерявшихся птенцов.

Богатеям никого не жалко, –
Денег много, и цветов не жаль,
А прожить могли они так ярко
И рассеять чью-нибудь печаль.

Нет, сегодня умирать им рано,
Пусть живут, мы смерти не хотим.
С болью я смотрю на ветеранов,
Словно помогаю выжить им...

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ГРУДИ

Матери земли,
Меня простите,
Не рожайте больше храбрецов,
Тех, что стоят тысяч, что в граните
Высекает смерть в конце концов.

Не рожайте мудрых и красивых,
Что примером станут для других,
Честных,
Не ретивых, не спесивых,
Чтоб народ в восторге был от них.

Ведь на них расставлены ловушки —
Рубящих сплеча и сгоряча,
Держат их завистники на мушке,
Появляясь как бы невзначай.

Храбрецов слова живут в народе,
Ну, а места в мире
Для них нет.
Цели их не сбудутся в природе,
Средства не появятся на свет.

При лихой победе,
Только свистни,
Сразу — при разделе пирога —
Средь друзей появится завистник
И поддержит лютого врага.

Метери земли,
Меня поймите,
Враг не спит..
Господь ни приведи,
Только горе вы себе родите
И землетрясение в груди.

ВETERАНЫ

Дорогие мои,
Берегите, прошу, ветеранов.
Их всё меньше и меньше,
Хоть держатся, словно в строю.
Пусть болит ваше сердце —
Той незаживающей раной,
Что они получили,
Нам кровь отдавая свою.

С неба падают звёзды,
Тускнеют подлунные дали,
Ветераны уходят —
За ранами старыми вслед.
Надо звёзды зажечь,
Как они их тогда зажигали,
Возвращая нам свет,
Навсегда возвращая нам свет.

Не забыть, как они
Подарили нам гордость победы,
Написав это слово
Всей кровью погибших людей.
Запретить надо войны,
Пока ещё живы те деды,
Что ковали победу
Всей силой, всей жизнью своей.

Исчезают они,
Как с деревьев осенние листья,
В небеса улета...
И их нам уже не догнать.
Разглядите сквозь раны
Вы их довоенные лица,
Берегите же их,
Заклинаю, как дочь и как мать.

БАЙРАМ САЛИМОВ,
Народный поэт Дагестана

МАТЕРИАЛЬНЫЙ СТИМУЛ

Матч в футбол с простой командою колхозной
В бой суровый превратили мы и грозный.
Тем, кто гол забьёт, в том матче —
За победу
Председатель обещал гуся — к обеду.

Головой толкали мяч мы
И пинали,
В землю падая...,
Но всё же проиграли...
Им, замечу робко, —
Кстати ли, не кстати ль, —
Обещал коня —
их мудрый председатель.

БЛАГОДАРНОСТЬ

– Жену свою люблю я?
– Конечно, что есть сил...
И белую машину
Для стирки ей купил.

Потом –
За нею следом,
Чтоб снять любой вопрос,
Купил ей сходу новый, –
Ну, чудо-пылесос.

Затем, взяв в банке деньги,
Купил ей агрегат, –
Кастрюли чтоб и банки
Он драил все подряд.

Жена лишь улыбнулась,
Достоинство храня,
– Теперь ты можешь, милый,
Всё делать без меня.

БИЙКЕ КУЛУНЧАКОВА,
Народный писатель Дагестана

ЧЁРТОВ ВАЛЬС

Год за годом вальсируют парочки эти,
От безумной мелодии в сладком дурмане,
Уж не помня, зачем они жили на свете,
Караваном ослов затерявшись в тумане.

Эта музыка ног,
Эта музыка тела, —
Она душу кружит до сердечного стона,
Как в ней много советов даётся для дела:
Как богатство нажить, убажывая Мамону,

Волчью сущность
В себе воспитать безвозвратно,
игнорируя прошлые наши святыни,
чтобы злато в душе зазвенело развратно —
без любви и без дружбы сердечной в помине...

И с Олимпа, откуда взирали лишь Боги, —
Людям смертным дорога на небо закрыта, —
Ножки свесив, смеётся башкою двурогой,
Старый чёрт, потирая стальные копыта.

Я молюсь — наделенью Всевышнего силой, —
Чтоб от вальса бесчестья очистить планету.
О, Господь всемогущий, спаси и помилуй,
Ещё, может, очистимся милостью этой.

АНВАР АДЖИЕВ,
Народный поэт Дагестана

СНЕГ

Снег искрится и шуршит
О морозный воздух.
Что ж, южанин, ты не спишь,
Вверх подняв глаза,
И пронзительно глядишь
В небо в тусклых звёздах,
Что там хочешь увидеть
Или что сказать?

В каменной печи огонь
Полыхает жарко,
Руки греешь ты в тепле,
Тянешься к нему.
Вот привиделся тебе —
Выпукло и ярко —
Розовый цветущий сад
В небольшом доме.

Там уж яблони цветут,
Груши набухают,
Дальше очертанья гор,
Словно миражи...

Ну, а на равнине здесь —
И снега не тают,
И на речке толстый лёд
До сих пор лежит.

Что ж, приезжий, приуныл,
Смотришь так упрямо
На снежинку на стекле,
Что прервала бег,
Вспомнил, может быть, дружок,
Как сквозь сито мама
Сеет белую муку,
Словно белый снег?

МАГОМЕД ГАМИДОВ,
Народный поэт Дагестана

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ

* * *

В амбарах богача гниёт зерно,
Его так много, —
Мыши не съедают,
У бедняка же —
Холодно, темно,
Но даже соль всю
Черви пожирают.

* * *

Паршивейшая из всех овец
Отару целую испортит,
К сожаленью.
Вот так и свой аул
Простой подлец
Лишит надолго
Чести с уваженьем.

* * *

Когда б ко всем, хотя бы раз в году
Пришло бы счастье, как приходит лето,
Имея персонально всех в виду,
Несчастных не осталось бы на свете.

СУЛЕЙМАН РАБАДАНОВ,
Народный поэт Дагестана

* * *

Я ничего для тебя не жалею,
Хочешь,
Весь мир я тебе подарю? –
Ясное утро я сделать сумею,
Утренний бриз и морскую зарю.

Воздух прозрачный, небесную просинь,
Облако, ветер, шумящий в саду,
За руку взяв,
Желтоглазую осень,
Я под окошко к тебе приведу.

Даже мороз,
Пусть всё это и глупо,
Я притащу, не стесняясь людей,
За воротник ледяного тулупа...
Пообещай лишь,
Что станешь моей.

ПОЭЗИЯ МУДРОСТИ И ДОБРОТЫ **Предисловие к книге Залму Батировой**

Трудно писать о творчестве поэта, не зная языка, на котором этот поэт мыслит и творит. Приходится доверять переводчикам и своему внутреннему «подземному чувству». Но ведь переводчики могут безвозвратно утратить красоту слога оригинала, его свежесть, его пронзительность, а могут, наоборот, и приукрасить его, вдохнуть в язык перевода то, чего и не было в оригинале... Ведь не секрет, что великому аварскому поэту Расулу Гамзатовичу Гамзатову повезло с переводчиками. И он, будучи человеком умным и скромным, сам говорил, что его «сделали переводчики», часто повторяя, что без них его просто не было бы как поэта... Великим поэтам свойственна широта души...

До знакомства с этой книгой я не был знаком с творчеством Залму Батировой, тяжёлые нынешние времена заставляют поэтов вариться в собственном национальном соку, поэтому первым делом обратил внимание на то, кто донёс до русского читателя её поэтические образы и мысли. Марина Ахмедова-Колюбакина, Александр Ананичев... Эти имена я хорошо знаю, даже дружу с этими людьми. Эти прекрасные поэты не станут переводить не интересные, бесталанные, лишённые природной силы и яркой национальной окраски тексты. Это придало мне силы и интереса к творчеству аварской поэтессы Залму Батировой. И я погружился в чтение...

И вдруг я понял..., и начать хочу с того, что Залму совершает подвиг. Раньше за подвиги награждали орденами и медалями. Сейчас — терпеливым молчанием. Но подвиг, он потому и подвиг, что совершающий его не думает о воздая-

нии, потому как подвигают его к оному Бог и родная земля. Это собственно всё, что есть у человека кроме его рода. А род у каждого человека, как известно, не только горизонтальный, сегодняшний, географический, но и идущий сквозь время, исторический. И живёт человек на своей любимой земле, продлевает свой род и молится Богу. И в зависимости от того, как он это делает, его или забывают, или помнят и почитают... Так вот, корни поэзии Залму Батировой это самое Время пронизывают с любовью.

Трудно беспристрастно любить Родину, ещё труднее помнить и любить её историю, пропуская все события через себя, через свою душу. Но недаром говорят, что все раны и трещины мира проходят через сердце поэта. Её стихи, её исторические и любовные поэмы, даже если мы оставим в стороне разговор о сюжете, — это беседа с Богом о душе человека, о долге, о верности Родине, размышления о смысле скоротечной жизни, о вечной любви и нерушимой дружбе. Поэтесса не страдает излишней философичностью, уводящей в сторону от предмета разговора, но мыслит в своих произведениях глубоко и просто, ярко и образно, не заслоня Слова обёрточными блёстками псевдомыслия и псевдоучёности. Я бы даже сказал, мыслит мудро. И не важно, короткие ли это стихи о матери:

...А без тебя с моей тревогой
Уже не справиться никак.
Так пусто и в душе и в доме,
Когда тебя нет больше в нём.
И сердце по-сиротски стонет
И бьётся глуше с каждым днём...

*...Ах, мама, даже горю есть свой срок,
Но память о тебе нас не обманет —
Она, как будто каменный цветок,
Что никогда на свете не увянет,*

или большая, величиной с человеческую жизнь и любовь, драматическая поэма-трагедия «Хунзахская ханша» или передаваемая из поколения в поколение великая грустная история любви Махмуда и Муи, запечатлённая поэтессой в своеобразной поэтично-прозаической поэме «Два цветка любви», или поэма о жизни в России семьи имама Шамиля «Ностальгия». Ведь дело не в размере произведения, а в плотности сказанного на сантиметр площади. Думаю, не продуктивно разбирать здесь поэмы или рассказывать их содержание. Как известно, прозой не передать всех оттенков чувств и мыслей, выраженных поэтическим языком, сами читайте, думайте, спорьте и получайте удовольствие...

Хотя, кстати, я, пожалуй, немного слукавил, сказав, что неважно, «короткие ли это стихи или большая...драматическая поэма». Важно. Ещё как важно! Одно дело выписывать свою горячо любимую душу в ярких, эмоциональных, но коротких, как вспышка молнии, стихах, где требуется только талант и вдохновение, что, конечно, тоже немаловажно. Другое дело, изо дня в день, из года в год, перемалывая огромные пласты исторической литературы, писать историю своего народа, своей Родины. Взяться за такой огромный труд, а тем более довести его до конца, сохраняя интригу произведения, способен далеко не каждый автор. Тем более, что плата за это в виде благодарности властей или любви народной ожидается лет, десятилетий,

столетий так через ... Тем более, что народ сейчас только выживает, ему не до культуры, он ввергнут хитрыми кукловодами в кровавые национальные и религиозные распри...

*...Ныне в грош оценивают жизнь,
На Кавказе льётся кровь рекой.
Те, кто вечной дружбою клялись,
Вечной поклялись теперь враждой...
...И плач разлился за громами
Еще не убитой страны...
Надолго ль такая погода?
Вот-вот разольётся река.
Не вечно терпенье народа,
Размыты его берега.*

Не ко всем взрослым поэтам и писателям с возрастом приходит зрелость. Зрелость не только творческая, но зрелость духовная, зрелость душевная. Зрелость, заставляющая человека делать безвозмездное добро и переживать, точнее, проживать чужие страдания, как свои собственные. Зрелость, выраженная в понимании того, что прошло время разбрасывать камни, пора их уже собирать... Коран и очаг, мать и отец, дом и кладбище, башня и златотканый ковёр — важнейшие объекты молитвенного поклонения любой дагестанки, любой горской женщины. А Залму — плоть от плоти своего народа. Для неё это не только символы истории, «старины глубокой», но и атрибуты национальной горской «самости», элементы вечного народного бытия, которое не в состоянии задавить и уничтожить безжалост-

ная современная безлика и безнациональная цивилизация. Это элементы Культа, а значит, Культуры, которую своим трудом творит и сохраняет аварская поэтесса.

*От снежной напасти укрыться не чаю,
Враньё, что весна воротится. Враньё!
Прощаю... Слова, словно камни вращаю,
А сердце туманом укрыто моё.*

Слова, вращающиеся, как камни, — это и есть символ современной косноязычной, тихо убиваемой словесности. И пусть Дагестан сейчас преследуют те же проблемы, что и всю Россию, — дети забывают родной язык, убегают с насижённых их родителями мест, едут в далёкие чужбины «на ловлю счастья и чинов», я верю, что благодаря таким людям, как Залму Батирова, всё когда-нибудь вернётся на круги своя... И, как сказал поэт, — «И к деревьям возвратятся листья, вспомнив их тоскующие руки». И Благословенная земля Дагестана засияет новыми культурными всходами, не забывая, что один её уголок с неутомимой любовью всю свою жизнь обрабатывала и обрабатывает аварская поэтесса Залму Батирова.

Сергей СОКОЛКИН

ЗАЛМУ БАТИРОВА

* * *

Откуда в тебе столько льда,
Морозящего душу,
Что холодом страшным
Повеяло рядом с тобой.
И ветер шумит в твоём сердце
И рвётся наружу,
И снежная тьма
Вырастает меж нами стеной.

А свет твоих глаз,
Что мне путь освещал изначально, -
Чья буйная юность
Отныне купается в нём?
И у колыбели любви нашей
Тихой печальной
Кого посадил ты,
Качать её ночью и днём?!

Любви моей сад,
Полыхавший цветами, как пламя,
Тебе отдала,
Не жалею об этом, поверь...
Ведь даже деревья
В саду том сцепились ветвями.
Но кто-то ограду протиснул меж ними теперь.

* * *

Коль мужества в душе твоей заглохнет песня,
Поля любви моей покроет мрак неверья,
Но если чести столб твоей внезапно треснет,
В саду моей любви засохнут все деревья.

Опасною тропой, когда, сгущаясь, тучи
Закроют небеса,
Пойду, не дрогнув, дальше.
Лишь пусть в груди твоей любви не гаснет лучик
И освещает путь мой среди мира фальши.

Со дна морей всплыву я,
Предками хранима,
Коль не уронишь в грязь папаху чести горской.
Из-под могильных плит я выйду невредима,
Коль верным будешь мне своей любовью гордой.

* * *

Нам суждено идти по жизни с верой,
Нас даже смерть не сможет разлучить.
Пусть иногда гудят меж нами ветры,
И завывают в адовой ночи.

Пусть между наших душ моря, гуляя,
Встав на дыбы, тягаются волной.
Сквозь этот шум, как чайка золотая,
Я всё равно услышу голос твой.

Пускай во тьме к утру не просветлеет,
Надолго ночь поселится в очах...
Моя рука твою ладонь согреет,
Как путника среди чёрных гор очаг.

Нам суждено идти по жизни с верой.
Звенит душа пандуровой струной.
И коль моя струна порвётся первой,
Ты песнь допой,
Ведь я всегда с тобой.

* * *

Моими глазами, сынок, не гляди
На грязь этой жизни постыдной.
Расти не захочешь с любовью в груди.
И жить будет очень обидно.

Не хочется мне, чтоб ты видел пока
Земли умирающей взгляды.
Ты чист и не знаешь, что даже река
Нести может в озеро яды.

Моими ушами не слушай ты плач
Птиц синих, плывущих по водам.
Всё меньше их гнёзд, —
Словно рядом палач, —
Гуляет шальная свобода.

Топор дровосека —
Страшней, чем кинжал —
Бывает так в жизненных пьесах.
Как я не хочу, чтобы рано познал
Ты драму Самурского леса!

Расти, мой родимый,
Ведь, может быть, жизнь
Людей доброте вдруг научит.
И с болью чужою —
Сквозь занавес лжи
Пробьется в них совести лучик.

Как мать, я молю,
Чтоб в утробе без бед
Плод прожил, без боли гнетущей.
И чтоб уходили отцы на тот свет
С тревогой о жизни грядущей.

АНВАРБЕК КУЛТАЕВ

УХОДИТ ЖИЗНЬ

Как с дерева сухой слетает лист,
Так жизнь моя осенняя уходит,
И белая зима – под рёв и свист
Метели –
На окне узор наводит.

И я на дальнем склоне Кунбатра
Стою,
Взирая на могилу предков,
Глотаю слёзы,
И со мной сестра.
Семья бывает в сборе крайне редко.

И жизнь, как миг.
А тут сошлись пути
В одну дорожку.
Я всю седею,
Друзей не узнаю,
Куда идти, –
Порой не знаю и не разумею...

Когда молчу я, злится мой сосед,
Что на его вопрос не отвечаю.
Уходят мысли, – словно на тот свет,
Но и об этом тоже забываю.

Своё я отплясал...
Эх, мир людей,
Не спрашивай с меня ты слишком строго,
Давно я – старый дед.
Из всех путей
Я вижу только зимнюю дорогу.

* * *

Пусть джигит умирает,
Но в песне летит его слава, —
Так у нас говорят, —
И она не подвластна годам.
Пред тобой, Янмурза,
Мы склоняемся снова и снова,
Ты наш лидер, наш вождь,
Просветитель и первый имам.

В руки посох свой взяв,
По аулам ходил ты, бывало,
Вечерами и днями —
К Исламу народ приучал,
Собирая людей,
Толковал им значений немало
Из Корана аятов, —
То было начало начал.

И тянулись к тебе аульчане
За знаньем и правдой.
И теперь в Тераклях
Дом Аллаха Великого есть.
И спустя все те годы,
Томимы духовною жаждой,
Наставления мудрого
Ждут правоверные здесь.

В каждом нашем ауле
Мечеть золотится в Ногае,
И, как прежде, приходят
Туда твои ученики.

Благородное дело
В умелых руках процветает
И не гибнет оно,
Хоть частенько их дни не легки.

Янмурза,
почитаемый нами,
вон на небе просинь,
как улыбка твоя,
она светит средь мыслей благих.
И склонившись к родимой земле,
У Аллаха мы просим,
Чтобы был ты в Еннете*
Среди пайхамбаров* других.

*Еннет (мусульм.) – рай, пайхамбар (мусульм.)
– пророк*

ВЕЧЕРНИЙ ТЕРЕКЛИ-МЕКТЕБ

Вам не найти такую степь другую!
Красавца степь родит,
А не арбуз,
Его лицо я глажу и горжусь,
На улице столбы, смеясь, целую.

Иду домой
И радуюсь душой.
Смеются фонари, они похожи
На лица наших девушек весной,
Что радостны, меня увидев, тоже.

Как будто говорят,
Ну, где ж ты был?
Мы так скучали,
Мы нетерпеливы,
Ты приходи,
Ты что-то нас забыл,
А мы и днём лучисты и красивы...

О, Терекли-Мектеб,
Так редко я
Бываю здесь,
Но часто вспоминаю
Я эти фонари...
Они меня
По памяти в объятьях согревают.

СУВАЙНАТ КЮРЕБЕКОВА

* * *

Бесприютны тех глаза,
Кого я знала.
И куда мне, бесприданнице, идти?
Ведь они дошли,
А я в пути пропала,
Не найду никак заветного пути.

По пути меня настигла жизнь другая,
Не моя,
И заправляют в ней не те,
И поют не то...
Пойду теперь куда я? —
Не поётся в темноте и пустоте.

В жизнь другую
Унесу я песнь устало,
В этой просто —
Не поётся —
с кем попало...

* * *

Всё есть в тебе:
Порода, взгляд могучий,
Что душу заставляет трепетать,
И нежность, что разгонит даже тучи,
И голос,
Соловьиному под стать.

И лишь одно
Волнует и тревожит,
И в самом нежном сердце —
Будит лихо.
Да так,
Что не страдать оно не может, —
Ведь соловей неверен соловьихе...

* * *

Ты носишь обиду в душе, как дитя,
Я тоже бессильна, —
Ведь я же люблю.
Чтоб общее счастье спасти от тебя,
Стараюсь не спорить с судьбой, —
А молю...

Могу я взлететь, —
Ведь крылата мечта,
И вдаль улететь,
Ведь всеильна душа.
Но я остаюсь, я — бессильная,
Та,
Что общее счастье спасёт не спеша.

* * *

Вбежала.
Вот и жизни середина.
Смотрю вокруг, немного сбавив скорость,
Не узнаю себя, вот и седины —
Нежданная, негаданная новость.

Казалось,
В ритм жизни я попала
И до мечты —
Рукой подать осталось.
Вдруг поняла, что я спешить устала.
Ведь до конца —
Совсем такая малость...

* * *

Душа —
Волшебный мир,
Любовь в нём — на века,
Цветёт волшебный сад,
И чувств полна река,

И радуга над ней,
И солнце,
Ночи — нет.
Но если в сердце тьма, —
Не заслоняйте свет!

АРБЕН КАРДАШ

* * *

Над трассой властвуют колёса,
Врезаясь сходу в быстроту.
Весна безумствует – без спроса,
Ликует песня – на лету.

И солнце заполняет небо,
Равновеликое Творцу,
И от невыразимой неги
Струятся слёзы по лицу.

Земли бескрайние просторы
Дорога делит пополам, –
Равнина слева,
Справа горы,
Посередине – автор сам.

Равнина залита лучами,
Вся в солнце, травах, голосах,
Вершины горными снегами
Искрятся прямо в небесах.

Там – Бог,
Здесь – люди-человеки.
И здесь душа, она в цвету,
В ней горы и весна, и реки...
И путь, что гонит в быстроту.

ЗИМА В КУРАХЕ

Снега не уместились в небесах,
В долине разместили их, в Курахе.
Пришел мороз с искринками в глазах,
В узорной, снежной, вышитой рубахе.

Леса, овраг, жилые этажи
Как будто стали белой-белой сказкой:
Дома волшебник ватой обложил
С какой-то детской нежностью и лаской.

В них топят печи.
И кряхтят дома.
Столбом стоящий дым качает ветер.
И кажется,
Скрипит Земля сама,
Качаясь на столбах застывших этих.

Высокий граб замёрз,
Закоченел
И даже не качнётся, не застонет.
И лишь на ветку
Чёрный ворон сел...
И стал пятном родимым на ладони.

* * *

Стихи врываються без стука
И мыслью обжигают вас,
— Какое ж это счастье с мукой —
Писать их,
Как в последний раз.

И веришь,
Что ещё немного, —
Отступит боль,
Уйдёт беда.
— Меня ведь, —
Вдруг поймешь пред Богом, —
И не было-то никогда...

* * *

За окном будет сыпаться снег
Колыбельной беззвучной моею.
И усну я,
Как будто навек,
Убаюканный мыслью своею.

Голос снега услышу во сне:
– Час пришёл твой,
Открыты все двери,
Можешь ты подниматься ко мне,
Если только любил ты и верил...

Может, это безумные сны,
Но при взгляде сердечко заныло.
– Как отвечу, – тебе я не сын,
Небу,
Что мою мать приютило?

Не хочу я назад, не хочу,
Вглубь пойду по безмолвному снегу,
Получив два крыла, полечу
Я – своей колыбельной – по следу.

А наутро жена подойдёт,
Постоит,
Помолчавши немножко,
И с волос моих снег отряхнёт,
Что всю ночь песни пел за окошком...

МАЛЬЧИК С КНИГОЙ

Обычный дворовый мальчишка
Читает во весь голос книжку,
Как будто тяжёлые волны
Он одолевает с одышкой.

Пусть мал он ещё, но читает
И буковки соединяет,
Познания стремлением полный,
Природу собой украшает.

Ничто он не видит, не слышит,
Читает, забравшись на крышу.
И чутко затихла природа,
И в такт с ним восторженно дышит.

В молчании древние горы,
Затихли веков разговоры,
Молчат небеса с уваженьем,
И птичьи закончились споры.

И люди, смущаясь немного,
С улыбкой идут от порога
И в голосе не замечают,
Не слышат присутствия Бога.

А голос всё пуще, всё гуще,
Летит над долиной цветущей.
Готовится парень к урокам
Непознанной жизни грядущей.

АМИНАТ АБДУРАШИДОВА

ИМЯ ТВОЁ

Я гребнем имени расчёсываю дни,
Вздохмаченные космы будней серых,
И в зеркале небес мечты-огни
Озимыми —
Ложатся в почву веры,

В причёску словно...
Время не идёт, —
Оно смеётся, исчезая с ними.
Кладу расчёску,
Зеркало поймёт, —
Шепчу твоё, —
Как заклинанье, —
Имя.

МЕЧТА-ПРИКАЗ

Мечи на орало враз перековать, —
Драконовый зуб удалить,
Как заразу, —
Чтоб всем палачам безработными стать,
Чтоб всем матерям стать
Счастливыми сразу!!!

СЕМЕНА АРБУЗА

В минуты заката
На солнце похожий,
Арбуз
Истекает медовой плотью,
Но вопль семян
Никто слышать не может,
Их – в тёплую землю не бросит щепотью.

ПУТЬ К СЧАСТЬЮ

Подбрось себя в воздух,
Ты – птица,
Ты волен в потоках кружиться.
К бездонно-бессрочному счастью
Господнею брошен ты властью.
Ты – ветер,
Для неба воскресни
И лёгкими –
Пой свои песни.

ТРУБА

Вовсю трубит Иерихонская труба
Вре́мён последних варваров.
И сразу
В ответ — проклятья, шёпот и мольба, —
И зло ползёт,
Кривляясь, по Кавказу.

Лезгинку пляшет огненный танцор,
Под звон монет шайтан танцует глухо.
«Честь выше жизни!» —
Им кричу в лицо,
Но душит дым,
Как скопище злых духов.

Среди кровавой каши трупных дней
Смердят и разлагаются народы,
В дыму не видно Бога
И на дне
Вселенной —
Крыс испуганные морды.

И маски сорваны.
Со всех.
И тишина.
И значит, близко, близко Сатана...

САБИГАТ МАГОМЕДОВА

* * *

Море моё,
Бирюзовое море,
Голубоглазого неба разлёт,
Тело моё на бескрайнем просторе
Птицей летает и рыбой плывёт.

Мир этот мне не поддался ни разу.
И ни за совесть мою,
Ни за страх
Здесь на колени не встанет мой разум —
Если —
Сама я стою на ногах.

* * *

Никому не сделала добра я.
Так что, как об этом ни суди,
Кто мне помогал,
Пускай играя,
Оказались сильно впереди.

Никому не сделала плохого.
Но скажу,
Обиды не храня,
Кто мне навредил,
Пускай немного,
Оказались позади меня.

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ

* * *

На горе страстей отбушевавших
Я стихи посею грустным взглядом.
Ну, а ты,
Любви совсем не знавший,
Не читай их,
Раз тебе не надо...

* * *

Нет, не злато —
Главное на свете,
Не оно бесценный клад, —
А милый...
Не склонится золото вослед вам,
Не заплачет горько над могилой.

* * *

Не молитесь, грешники, деньгам,
Срок наступит и дворцам и вам,
Вам тогда брести по вечной мгле...
Даже царь не вечен на земле.
Коль распродал душу по частям,
Пулей улетишь —
Ко всем чертям.

* * *

Признанья,
Словно слитка золотого,

Дождёшься редко —
из глубин души.

А ты чего молчишь, скажи хоть слово,
Тоскою переполненный кувшин...

* * *

Лишь твоим словам я раньше улыбалась
И, как дерево в степи,
Одна осталась.
И глаза, что любовались лишь тобою,
В море слёз блестят,
Как камни под водою.

* * *

Призывает к терпению время меня,
Погоди и дождёшься счастливого дня.
Жизнь не в жизнь,
Говорю,
Коль душа холодна, —
Нет ни дней, ни годов, —
Лишь любви времена.

* * *

Не пойму я,
Зачем этот мир нужен нам,
Если страждущим руку свою не подам?
Жизнь зачем,
Если к людям, всему вопреки,
Доброта не протягивает руки.

ГАМЗАТ ИЗУДИНОВ

* * *

Лишь миг смотрел на солнце.
Навсегда
Теперь внутри глухая вспышка боли.
Тебя увидел, пронесли года,
Но образ твой глаза не позабыли.

Склонюсь над книгой, не могу читать, -
На всех страницах лишь тебя я вижу.
Включаю телевизор и опять,
Как солнца жар, на всех каналах — ты же...

Куда ни посмотрю, — слепит глаза.
Глаза закрою, — Ты!
И нет спасенья!
И сон мой — Ты.
И нет пути назад.
И жизнь моя, —
Как мука вдохновенья.

* * *

Мой родной Арадерих,
Ассалом алейкум,
Со скалы орёл, махни
мне крылом своим.

Ты для сердца моего,
Арадерих,
как Мекка.
Пусть летит моя душа
К небесам твоим.

Тыщи лет тут предок жил
Радостно и гордо,
И орнамент золотой
Плёл за годом год.

Ус кручёный Крыш-горы
И источник горный...
Дорогой Арадерих,
Мой исконный род.

Ты прости мою тоску,
Городскую скуку,
И со стана Крыш-горы
Засверкай клинком.

Я принёс тебе свою
И любовь и муку,
Горная звезда моя
С отчим очагом.

Вот и снова я с тобой,
Счастью нет предела.
Здравствуй поле,
Здравствуй луг,
Где трудился я.

Пусть теперь я городской,
Здесь мне мама пела.
Мой родной Арадерих, -
Родина моя.

Здравствуй отчий джамаат,
Ассалом алейкум,
Племя славное орлов,
В сердце вы моём.

Ведь и в городе живу
Тем же человеком,
Стоит лишь глаза закрыть, -
Я в селе родном.

Ближе нет мне, чем сосед, -
Так из века к веку,
Здесь поделаются со мной
Рук своих теплом.

Мой родной Арадерих,
Ассалом алейкум,
Со скалы орёл,
Махни
Мне своим крылом.

* * *

Дом чиновника шикарен и могуч,
Он каминною трубой достал до туч.
А поэт почти что нищ, —
Дырявый кров,
Завывают сквозняки,
Нет в печке дров.

Королевские покои — в жемчугах,
У поэта — ветер с сыростью в углах.
Короли берут словами города,
А поэты только души иногда...

...Но роскошнее,
По правде говоря,
Кабинета нету даже у царя, -
Просто у поэта испокон -
Сердце человеческое он.

Ведь оставят свои замки короли.
И чиновники уйдут во глубь земли.
Лишь поэт свой не оставит кабинет.
Ведь горит в нём негасимый свет.

СВАДЬБА МАХМУДА И МУИ

Свадьба идёт,
Распеваёт и пляшет.
Наши влюблённые в страсти сгорают.
Тех, кто булыжник за пазухой прячет,
Тут на высокий порог не пускают.

Лирик счастливый в роскошной папaxe
С радостью трон жениха занимает.
В платье невесты Муи, словно сахар...
Лето в глазах у обоих гуляет.

Песню Махмуд о любви запеваёт,
Вторит ему вся земная округа.
Вторит округа и ввысь улетает
Вместе с Махмудом —
Из круга, из круга.

Время стоит,
Нет ни сроков, ни даты.
Свадьба уж вечность идёт.
Что за чудо? —
Время,
Поняв, что ошиблось когда-то,
Вдруг отдало бетлиянку Махмуду.

ШОЛОХОВСКИЙ РАЙОН (Часть первая)

О, земля казаков –
Щит великой бескрайней России,
Испокон колыбель
Славных воинов-богатырей.
Дон степенный и древний,
Таящий бездонную силу
И обилье шумящих,
Простёганных ветром, степей.

Слышишь, батюшка Дон,
Удалось только гению Слова
Твоё имя поднять выше звёзд,
До небесных вершин.
Одной крови с тобой этот Шолохов!
Снова и снова
Повторяю,
Он – гений, чудесник и он невторим!

Тихий батюшка Дон,
Утолил он небесную жажду,
Отражаясь душой
В твоих синих зеркальных глазах.
Так всю жизнь и творил
У земли у любимой на страже...
И впадали в тебя зацелованные небеса.

ЗУЛЕЙХА АТАГИШИЕВА

* * *

Елене С.

Не спрашиваю, сколько тебе лет,
Живёшь ты так застенчиво-мила.
Весна в душе твоей, как буйный цвет,
Так ярко распустилась, расцвела.

Чудесной сказкой из-за гор-морей
Явилась ты на этот белый свет,
Так пусть загадкой будет для людей –
Твоих соседок, – сколько тебе лет.

Года вплетают нити в кружева,
Пусть будет не десяток их, не два...
И пусть на юбилеях каждый раз
В них новый появляется алмаз!

И небо, распластав свои крыла,
Хранит от бури-ветра твой покой,
Живёшь ты так застенчиво мила,
Как василёк – небесно-голубой.

Весна поёт всё громче, всё сильней.
Не спрашиваю, сколько тебе лет.
Чудесной сказкой из-за гор морей
Явилась ты на этот белый свет.

ЛЮБОВЬ

Когда грустные мысли снова сердце мертвят,
Опускаются руки, потухает мой взгляд.
И отчаянье яму роет мне на пути,
И хоть ясным был путь мой,
Не могу я идти.

Я, как небо без солнца или мать без детей,
И терзает мне душу холод траурных дней.
Сердце рвётся разбиться в этот миг на куски,
И, наверно, рискую умереть от тоски.

И спасти меня может лишь, как в сказке, любовь,
И, как рифме избитой, жить так хочется вновь.
Знаю, главное, верить только светлым мечтам,
И не верить, не верить – тем,
потухшим, сердцам.

Словно ласточку в мае своё счастье встречай,
Чтобы мимо, чтоб мимо не пройти невзначай.
Счастье может стать горем, коль пропустишь его,
Обесцениться может, что дороже всего.

Повинюсь пред любовью, —
Я была не права...
Полетят в благодарность – золотые слова.
Раз любовь мне прощает весь душевный раздрай,
Значит, вновь сердце бьётся,
Значит, жизнь – снова рай.

УМАРАГИ САЛИХОВА

* * *

Не дай, Аллах, мне мысль,
Холодную, как снег,
Чтобы растаяла под первый майский гром.
Не дай, Аллах, мне стих,
Чтоб, не смыкая век,
Его бы, вымучив, я бросила потом.

Не дай, Аллах, мне слог,
Чтоб был внутри меня,
Как плод,
Но отзыва в других не находил.
Не нужно слово мне,
Чтобы огнём маня,
Сверкнуло молнией, развеявшись без сил.

Но раз мученье дал
Душевного труда,
Которому пока – названья не найти,
Не дай ему, молю,
Исчезнуть без следа,
Но из зерна потом позволь любви взойти.

АЙЛИН МУСАЕВА

* * *

Страна моя раздета и распята,
Нет прежних сил,
Не слышен гул набата.

Шайтаны алчные её терзают снова,
В душонках чёрненьких нет ничего святого.

А мы всё терпим,
Словно так и надо,
Средь беспредела корчится громада,

Как баржа,
Что на мель бесславно села...
Эй, бурлаки, давайте-ка за дело!

А я,
Шайтанам не простив мученья,
Петь буду песнь о нашем возрожденье.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОМАРЛА БАТЫРАЙ,
один из основателей
даргинской литературы

* * *

Мать твоя
День и ночь о деньгах лишь талдычет,
Чтоб пожрал её пламень проклятого злата!
У меня на руках,
На ногах — десять пальцев, —
Разве это не клад,
Что ж богатство лишь свято?!

Твой отец говорит,
— Я землёй не владею,
Чтоб под эту глиной его закатали!
Что ж, не собственность разве —
Любимое тело, —
Каждый пальчик, —
Что губы, целуя, познали?!

* * *

Сколько было,
Сколько будет песен спето,
Их душа всегда герою посвящает,
Ведь когда война безумствует на свете,
Он один собой пол войска заменяет.

Сколько в жизни бы ни складывал я гимны,
Чистокровным скакунам пою их, стоя, —
Конь джигита не предаст, —
Они едины, —
Даже мёртвого выносит с поля боя.

Пусть всегда живёт храбрец,
Хоть даже кровник, —
Смерть героя только труса ободряет, —
Мол, свободен годекан,
Теперь он ровня
Всем другим,
И его место занимает.

Лучше пусть помрёт подлец,
Чертям в угоду,
Даже если он единокровный брат!
А храбрец не рад и этому уходу,
Жаль вдову ему и маленьких ребят.

Ну, а если всё ж герой на этом свете
Погибает,
То тогда с конём пускай! —
Чтоб коня его и друга

После смерти
Не забрал себе богатый негодяй.

Если всё ж героя нашего не стало,
И жена такой пусть следует судьбе,
Чтобы бабник и подлец,
Каких немало,
Не забрал его красавицу себе.

ИЗ ФОЛЬКЛОРА

* * *

Бузу ячменную,
Девчонки, славить станем,
Пусть гимны ей поются в Дагестане.
Она джигитам —
С тряпочным сердечком —
Даёт сердца из самой крепкой стали.

* * *

Потерявший жену,
Ночью плачет.
Но речь не о нём, —
Потерявший обувку,
Рыдает и ночью, и днём...

СЕРГЕЙ СОКОЛКИН

* * *

Абдулле Даганову

Наша жизнь – это песня.
И наши, даст Бог, не допеты.
Нет давно СССР.
Но так хочется много сказать.
Абдулла дорогой, мы с тобою всего лишь поэты,
Шар огромный земной не дано нам с тобою объять.

Мы мужчины с тобой,
А мужчина, сам знаешь, не плачет.
И хоть Родины нет, но кого и о чём нам просить?!
Абдулла дорогой, мы с тобою поэты,
А значит,
Этот маленький мир можем мы в своём сердце носить.

ШАМИЛЬ И ЦАРЬ

Абдулле Даганову

Велик Шамиль —
под знаменем Пророка —
когда в глуши смотрящих в небо скал
адатов древних тёмные пороки
огнём кровавым в душах выжигал.

Упрям Шамиль, уверовавший свято
в свой волчий жребий, как в земную сыть,
когда — на русский —
средством газавата
Аллаха волю стал переводить...

Но мудр Шамиль, дошедший до предела,
когда душой неистойой горя,
смирясь,
Кавказа раненое тело
отдал на милость Белого царя.

Умён и славен царь-«завоеватель»
когда,
чтоб души тяжкие спасти,
имама Шамиля, поняв как брата,
«на покаянье» —
в Мекку отпустил.

ДИКАЯ ДИВИЗИЯ

Хану Нахичеванскому

Разбрелись,
полегли в смутных небесах славяне.
И не ведал никто,
русский дух, – он жив, не жив?...
Отличились тогда
други-братцы-мусульмане,
други-братцы пошли
да в Брусиловский прорыв.

Австрияк пусть помрёт,
«накладут в штаны» мадьяры,
не должно их тут быть –
на Карпатских на горах.
Там, где русский – в штыки,
горцы там идут – в кинжалы,
подчищая грешки...
Да простит меня Аллах!

Дайте саблей махнуть
«дьяволу в мохнатой шапке», –
честь семьи отстоять,
да за Русского Царя...
Убивали его,
но с рукой срасталась шашка,
его призрак – врага
гнал за реки – за моря.

Полусотня орлов
тысячу с земли сживала,
да в окрошку врага, -
чтоб не безобразничал!
И ползла на металл
плоть живая — ножевая,
пулеметный металл
замолкал и отступал.

Не имеет никто прав сказать,
что горец дрался,
как обозник какой,
да за чьей-нибудь спиной!
Ни один не ушёл,
в подлый плен
никто не сдался,
даже мёртвый боец
продолжал свой личный бой...

Русский батюшка-царь
восхищён был и прославлен,
впрочем, речь не о нём,
а о том, кто воевал.
Каждый третий-второй
был к Георгию представлен,
каждый первый-второй,
всадник или генерал,
если б был православным,
стать Георгием мечтал.

И когда им кресты
Божьей милостью вручались,
заменён был Георгий
задвуглавленным орлом.
Каждый первый-второй,
все от «птички» отказались:
— Нам верните джигита,
да чтоб с боевым конём!
И Георгий взмахнул
в небесах своим копьём.

Интересна судьба,
а история лукава, -
царь пропал,
но в войне «дьяволы» пробили брешь.
И у верных престолу,
обречённых и кровавых,
впереди у героев —
был Корниловский мятеж...

ЧЕЧЕНСКАЯ КОРРИДА

Махмуду Эсамбаеву

Над Грозным тягостная вьюга.
В шаманском танце хохоча,
смерть втягивает в пляску друга,
махнув рукой на палача.

И словно год назад — в столице —
грохочет танком, целя в лоб.
И чёрной птицею садится
на невостребованный гроб...

Для зрелища, стуча копытом,
встаёт коррида в полный рост.
По следу крови за убитым
другой ногами бьёт в помост.

Стан лебединый гнёт недобро,
дрожит, как струнка,
чтобы вмиг
рукой, как полной яда коброй,
врагу всадить точёный клык.

К хлысту чеченской длинной воли,
мечась на лезвии меча,
его душа, дрожа от боли,
льнёт,
кастаньетами звуча.

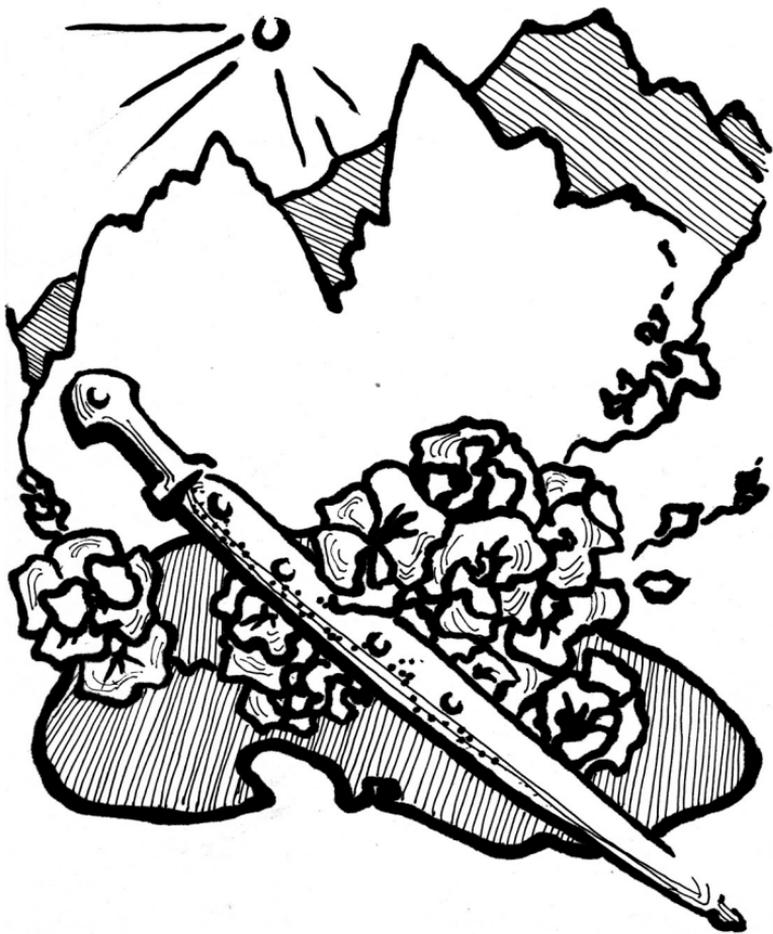

Щелчок. И вывалились бесы,
огнём обсыпав каблуки.
В белках кровавых
волчья несуть
разводит жёлтые круги.

Застыл тореро, хорошея,
в отважной дикой красоте.
И бычья вытянулась шея,
сверкнув рябиной на кусте.

Бой кончен,
выходя из роли,
танцор плащом стирает пот.
А по щекам,
как струйка крови,
слеза течёт,
течёт,
течёт.

20 декабря 1994г.

ЕСТЬ И ДРУГОЙ КАВКАЗ
*о Первом литературно-музыкальном фестивале
Дружбы Народов «Белые журавли России»*

С 28 по 30 сентября 2011 года в Центральном Доме литераторов (Москва) и Доме творчества «Переделкино» (Московская область) состоялся Первый литературно-музыкальный фестиваль Дружбы Народов «Белые журавли России» в Москве памяти Расула Гамзатова, организатором которого выступил член Президиума МГО СП России, поэт, Сергей Соколкин. Это начинание поддержали русские писатели, вернувшиеся с 25-х Юбилейных Гамзатовских Дней в республике Дагестан.

А началось всё в далёком 1965 году в Хиросиме. Расулу Гамзатову показали памятник белым журавлям и рассказали душещипательную историю о девочке по имени Сасаки Седako. Когда американская военщина в надежде припугнуть Советы сбросила на город атомную бомбу, ей едва только исполнилось два года. Её семья проживала достаточно далеко от взрыва и поэтому физически не пострадала. Но через несколько лет радиация, которой были заражены земля, вода и воздух, дала о себе знать. У Сасаки обнаружили лучевую болезнь — рак крови. Надежды на спасение практически не было. Но в Японии есть такой обычай: если хочешь, чтобы исполнилась твоя самая заветная мечта, вырежи из бумаги тысячу журавликов и запусти их в небо. Делать Птиц Надежды ей помогали дети со всего мира, узнавшие о её трагедии. Но чудеса не произошло. 25 октября 1955 года Сасаки не стало...

История о маленькой девочке задела Гамзатова за живое. Он очень переживал эту историю. Память о войне тревожила сердце. Он вспоминал о погибших на Великой Отечественной братьях и прямо в самолёте написал своё знаменитое программное стихотворение «Журавли», вскоре переведённое на русский язык Наумом Гребневым:

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.*

Композитор Ян Френкель выдохнул щемящую музыку, и получилась песня, которую проникновенно исполнил Марк Бернес. Крылатые «Журавли» облетели всю планету, полюбились миллионам людей и стали практически гимном, рекевиемом всем солдатам, всем погибшим во всех кровавых войнах и боях жестокого 20 века. Эту песню поют на десятках языков, она давно уже, как вольная птица, перелетела все границы и стала понятна и близка каждому человеку как молитва, как плач по безвозвратно потерянным близким людям. Этой песне нет аналогов в мире, крылатый Миф Белых Журавлей воплотился в мраморе, бронзе и бетоне более чем в сорока городах мира, в том числе Америке и Японии, вдохновившей Расула Гамзатова на эту скорбную песню.

А летом 1986 года Гамзатовым и Френкелем был открыт первый памятник «Белым журавлям» в Дагестане. Открытие состоялось в красивейшем высокогорном селении Гуниб. Всё было глубоко символично. Открытие состоялось в августе — в годовщину бесчеловечной, бессмысленной с военной точки зрения ядерной бомбардировки Хиросимы. А чтобы

зажечь «Вечный огонь» у гордо взметнувшейся в небо стеллы, пламя взяли из очага старой матери-горянки, потерявшей в Великой Отечественной войне троих своих сыновей...

Да и сам Гуниб — место уникальное, священное для любого кавказца и помнящего свою историю русского. Здесь 25 августа 1859 года закончилось более чем двухсот шестидесятилетнее противостояние России и Кавказа, когда князем Бяратинским был пленён имам Дагестана и Чечни Шамиль на почётных для него условиях. Упсковского писателя Игоря Смолькина-Изборцева я прочитал легенду, связанную с этим событием. Сидевший на камне Бяратинский сказал Шамилю:

— Напрасны же были все твои старания, вся твоя борьба.

— Нет, не напрасны, — ответил имам. — Память о ней сохранится в народе. Многих кровников моя борьба делала братьями, многие враждовавшие между собой аулы она объединила, многие народы Дагестана, враждовавшие между собой и твердившие «мой народ», «моя нация», она слила в единый дагестанский народ. Чувство родины, чувство единого Дагестана я завоевал и оставляю своим потомкам. Разве этого мало?

И символично, что здесь, на обильно политой русской и дагестанской кровью земле, вырос Праздник, осуждающий все войны, теракты и национальную неприязнь.

*И кажется, что в этом месте
Соединились на века
И горцы, павшие тут с честью
От Апшеронского полка.
И безымянные солдаты,
Присяге верные своей,
Что только в том и виноваты,*

*Что честно подчинились ей,
Но прежние забыв проклятья,
Сплетясь корнями в вечной мгле,
Они лежат, как будто братья,
Давным-давно в одной земле.*

(Марина Ахмедова-Колюбакина)

Именно здесь, на этом празднике, люди вспоминают погибших под Москвой и Сталинградом, в Нагасаки и Ленинграде, Каспийске и Махачкале, Буйнакске и Грозном, Сербии и Владикавказе. Вспоминают добрым словом и более трех тысяч гунибцев, воевавших на фронтах Великой Отечественной, четверо из которых стали Героями Советского Союза (а вообще, на 25 тысяч жителей Гунибского района приходится десять Героев Советского Союза, Героев Социалистического труда и Героев России). И люди приходят, приезжают сюда из самых далёких уголков нашей пока ещё необъятной Родины, отдавая дань памяти героям. Расул Гамзатов рассказывал: «В каждом горном ауле стоят пирамидальные памятники, а на них имена, имена, имена. Горец сходит с коня, подъезжая к ним, пеший снимает папаху... В каждом доме на почетном месте висят портреты тех, кто навсегда останется молодым и красивым».

После смерти «Великого Расула» (как его почтительно называют в родном Дагестане) дату праздника приурочили ко дню его рождения и отмечают теперь в первой половине сентября.

Гости фестиваля посещают могилу Поэта у подножия горы Тарки-Тау, возлагают цветы к его могиле, к памятнику Поэта в центре Махачкалы у «Аварского драматического театра». Следом проходит митинг у монумента Воину-освободителю в Центральном парке Махачкалы. Потом

делегация посещает дом писателя (где я имел возможность познакомиться с родным братом Поэта — Гаджи Гамзатовичем, первым Академиком РАН на Кавказе, Научным руководителем Института языка, подписавшим мне только что изданную им книгу отца — великого поэта — Гамзата Цадасы. С тех пор прошло чуть менее месяца. И вот пришло известие: 6 октября 2011 года Гаджи Гамзатова не стало... Умер прямо на работе... Скорблю. Вечная ему память).

А финалом этого дня становится большой литературно-музыкальный вечер в «Русском драматическом театре» Махачкалы, где торжественно вручаются литературные премии имени Расула Гамзатова.

На следующий день делегации разъезжаются по различным памятным местам — одни едут на родину Гамзатова — в селение Цада Хунзахского района, другие — в высокогорный Гуниб, третьи — в древний Дербент. И везде проходят торжественные митинги, встречи с ветеранами, школьниками, выступления самобытных народных коллективов.

С этого года Дни Белых журавлей получили официальную эгиду ЮНЕСКО и официальное международное признание, чего так хотел и добивался сам Расул Гамзатов, но чему помешала бездарная горбатая Перестройка.

Итак, в Москву на трёхдневный фестиваль «Белые журавли России» прибыли: Вице-премьер Правительства Ингушетии, Народный писатель Ингушетии, Раиса Дидигова, Председатель Союза писателей Дагестана, народный поэт Дагестана, Магомед Ахмедов, главный редактор журналов «Литературный Дагестан» и «Соколёнок», Народный поэт Дагестана, Абдулла Даганов, лауреат Государственной премии Дагестана, писательница, Космина Исрапилова, Насреддин русской поэзии, таджик, Тимур Зульфикаров, прекрасный поэт, армянин, Аршак Тер-Маркарьян, уро-

женец Северного Кавказа, поэт, Владимир Дагуров, внучка Командарма Поплавского (заместителя легендарного Рокоссовского), поэтесса, Наталья Рожкова, уроженец Киргизии, поэт, Александр Худорожков, писатель Емельян Марков (внук легенды Дагестана, известного русского поэта Алексея Маркова, родившегося в Дагестане и писавшего стихи даже на аварском языке), директор Российской Гегральдической Палаты Марина Рыбак (вручившая Магомеду Ахмедову, Абдулле Даганову и Раисе Дидиговой памятные медали за большой вклад в развитие литератур народов России), лауреат многих Международных конкурсов, певица, Ирина Ванн, режиссер из Иваново Андрей Алексеев. Выступали и многие известные московские поэты и писатели: Сергей Сибирцев, Борис Миронов, Алексей Шорохов, Александр Бобров, Елена Муссалитина (спела свои стихи под гитару), Ольга Журавлева, Иван Голубничий, Дмитрий Дарин, профессор Литинститута, поэт, Эдуард Балашов и другие. Председателем Оргкомитета фестиваля и ведущим торжественного вечера был поэт Сергей Соколкин, вручивший медали Правительства Москвы поэтам Раисе Дидиговой, Александру Боброву и Александре Барвицкой (была пресс-секретарем Мэра Буденновска в памятные трагические дни).

Все выступающие отмечали, сейчас сосуществуют два Кавказа. Один – который, к нам завозят в качестве трудовых мигрантов (а этот вопрос не межнациональный, а, скорее, классовый) и ежедневно навязывают по телевидению как бандитов, стреляющих, убивающих, насилующих, и который ассоциируется у обычного обывателя с небритыми физиономиями и именами Басаева и Радиева. С этим Кавказом должны разбираться непродажные представители Миграционной службы, армии, ФСБ и полиции.

Но есть и другой Кавказ, Кавказ созидающий. Кавказ Расула Гамзатова и Махмуда Эсамбаева, Кавказ Героя Советского Союза, подводника, Магомеда Гаджиева и Героя России, летчика-испытателя, Магомеда Толбоева. Кавказ Председателя колхоза, Героя Социалистического Труда, Ильмутдина Насрутдинова и Героя России, десантника, Юнус-Бека Евкурова. Кавказ честных работающих людей, любящих свою Родину (свою Россию, свой СССР) и прославляющих её по всему миру.

*Каменистые тропы на горных вершинах,
Через скалы вас кто проложил напролом?
Это мы! — слышу я голоса над долиной
Аксакалов почтенных в ауле моём.
— Кто аулы построил в горах, кто вначале
Эти камни обтёсывал в снег и в жару?
— Это предки твои, говорят аульчане,
Научись же и ты этому мастерству.
— Кто поля распахал, что долины устлали,
В землю души вложив, кто народ накормил?
— Это я! — слышу пахаря голос усталый, —
эту землю я потом обильно полил.
Горцы, горцы мои, ваши добрые руки
Жизнь в горах изменили. Пред вами в долгу,
Говорю вам спасибо за труд ваш, за муки,
Посылая вам стих этот, — всё что могу...
(Абдулла Даганов, перевод С.Соколкина)*

Можно сказать, что девизом всех фестивальных дней были бессмертные слова Расула Гамзатова — «Дагестан добровольно в Россию не входил и добровольно не выйдет...». Да, мы живём в неблагоприятное смутное время, когда сын

попрекает отца хлебом и бросает камень в старую мать. И нас пытаются уверить, что всё это норма жизни. Но сколько бы нас ни убеждали в этом, усилия разрушителей напрасны. Мы, русские писатели, увидели (кто в первый, а кто уже в очередной раз) и полюбили этих открытых, веселых и добрых людей, готовых отдать другу последнюю рубашку. Нам, писателям, людям доброй воли, делить нечего, как нечего делить хлебоборбу из Подмосковья с чабаном из Гуниба или виноделом из Дербента. Мы любим свою Родину, многонациональную Россию, свои многострадальные народы, живём на своих землях, завещанных нам предками. И с огромной радостью ездим друг к другу в гости, переводим друг друга на языки национальных литератур. И если будет надо, вместе встанем на защиту страны против общего внешнего врага. Вот только бы с внутренним справиться...

И ещё мы очень благодарны директору завода из Сергиева Посада Руслану Абакаровичу Курбанову за помощь в проведении нашего Фестиваля.

И закончить статью мне бы хотелось строками Магомеда Ахмедова (перевод С.Соколкина):

*...Я ненавижу двадцать первый век,
Где злора, зависть ходят между нами.
Когда умру я, слышишь Человек,
Пусть песнь моя останется навек –
Как мост, – парящий между островами.*

P.S.

Второй Фестиваль, был проведён с 21 по 24 ноября 2012 года. Его приветствовали письмами:

- Президент Дагестана Магомедов Магомедсалам Магомедалиевич;

- Президент Ингушетии Евкуров Юнус-бек Баматгиревич;
- депутат от «Единой России» Абдулатипов Рамазан Гаджимурадович;
- лидер КПРФ Зюганов Геннадий Андреевич;
- заместитель руководителя департамента межрегионального сотрудничества Правительства Москвы Агеев Олег Григорьевич;
- представители Полномочных представительств, национальных землячеств, Союзов писателей России и национальных республик, Международного сообщества писательских союзов, министерств культуры РФ, Дагестана и Ингушетии.

Мы, представители братских народов, и должны жить в дружбе. А когда люди дружат, когда у них всё хорошо, они поют и танцуют, они читают стихи. И тогда рождаются не Басаевы и Радуевы, а Пушкины и Махмуды, Расулы Гамзатовы и Юрии Кузнецовы.

Третий Фестиваль будет проведён в октябре-ноябре 2013 года, в год 90-летия Дагестанского Чуда – Великого Расула Гамзатова, сразу после традиционных торжеств в Махачкале.

Сергей СОКОЛКИН,
поэт,
Заслуженный работник
культуры Российской Федерации,

ОБ АВТОРАХ

РАСУЛ ГАМЗАТОВ — выдающийся советский и российский поэт, публицист и политический деятель. Народный поэт Дагестанской АССР, Герой Социалистического Труда, кавалер Ордена Святого апостола Андрея Первозванного, лауреат Сталинской третьей степени и Ленинской премий, член Президиума Верховного Совета СССР. С 1951 года и до конца жизни возглавлял писательскую организацию Дагестана. Автор многих десятков книг, в том числе «Мой Дагестан». Песня «Журавли» (в переводе Наума Гребнева и в исполнении Марка Бернеса) приобрела всемирную славу. Памятники этой песне стоят более чем в сорока городах мира. Среди исполнителей песен на его стихи — Марк Бернес, Анна Герман, Галина Вишневская, Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Дмитрий Хворостовский, София Ротару, Вахтанг Кикабидзе, Валерий Леонтьев. Гамзатов — основатель и организатор фестиваля «Белые журавли», который проводится в Дагестане и теперь, после смерти Поэта, носит его имя. 5 июля 2013 года в Москве на Яузском бульваре Президентом России В.В.Путиным и Главой Дагестана Р.Г. Абдулатиповым был открыт памятник Поэту.

ФАЗУ АЛИЕВА — Народная поэтесса Дагестана, кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Была членом Союза писателей СССР. Автор более чем 80 поэтических и прозаических книг, переведённых на 68 языков мира. С 1971 года — главный редактор журнала «Женщина Дагестана». В течение пятнадцати лет была заместителем председателя Верховного Совета Дагестана. С 1971 года —

председатель Дагестанского комитета защиты мира и отделения Советского фонда Мира Дагестана, член Всемирного совета Мира. Член Общественной палаты России (до 2006 года).

Награждена государственными орденами и медалями СССР и России. Лауреат многих литературных премий.

МАГОМЕД АХМЕДОВ — Народный поэт Дагестана, председатель Правления Союза писателей Дагестана, сопредседатель Правления Союза писателей России, член Общественной палаты республики Дагестан. Автор более чем тридцати книг стихов, прозы и публицистики, изданных в Москве и Дагестане. Он лауреат Государственной премии республики Дагестан, Главной литературной премии Международного фонда Расула Гамзатова, Большой литературной премии России, премии «Золотой Дельвиг». Ахмедов награжден многими ведомственными и общественными наградами. Перевёл на родной аварский язык стихи и прозу А.С.-Пушкина, М.Ю.Лермонтова, С.А.Есенина, А.А. Блока, Н.М. Рубцова, Ю.П. Кузнецова и других.

АХМЕД ДЖАЧАЕВ — Народный поэт Дагестана, Заслуженный работник культуры РД. Член Союза писателей СССР с 1981 года. Автор многих книг стихов, в том числе 2-х и 3-х-томников. Главные мотивы стихов А. Джачаева — верность Родине, народу, высоким принципам чести. Стихи поэта переведены на многие языки народов СССР. Им переведены на кумыкский язык стихи Расула Гамзатова, Фазу Алиевой, Рашида Рашидова, Нуратдина Юсупова, Байрама Салимова и других.

ХАНБИЧЕ ХАМЕТОВА — Народная поэтесса Дагестана, Заслуженный работник культуры РД. Драматург, пе-

реводчик и публицист. Работает в Союзе писателей Дагестана. Творчество Хаметовой известно далеко за пределами республики. Автор двух десятков сборников стихов и двухтомника. Она дважды лауреат Государственной премии Дагестана, лауреат премии С.Стальского, премии газеты «Литературная Россия», премии им.Екима Эмина. Награждена Орденом Дружбы.

ЮСУП ХАППАЛАЕВ – Народный поэт Дагестана, член Союза писателей СССР, работал ответственным секретарем Союза писателей Дагестана. Во время войны был комиссаром батальона трудовой армии. Делегат Первого съезда писателей Дагестана и съездов СП СССР. Перевёл на лакский язык эпос армянского народа «Давид Сасунский», поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», а также произведения М.Лермонтова, В.Маяковского, К.Хетагурова, Дж. Джабаева, А. Кешокова, С. Стальского, Г. Цадасы и многих других. Автор многих книг стихов и поэм. Лауреат республиканской премии имени Сулеймана Стальского. Награждён тремя орденами и многими медалями .

ШЕЙИТ-ХАНУМ АЛИШЕВА – Народная поэтесса Дагестана, секретарь Правления Союза писателей РД, руководитель секции кумыкских писателей. Автор многих книг стихов. Стихи Ш.-Х. Алишевой вошли во многие зарубежные антологии. По её творчеству были защищены диссертации литературоведами Турции и Дагестана. Она перевела на кумыкский язык классиков мировой, русской и дагестанской литературы. Ш.-Х. Алишева является одним из основателей и заместителем председателя кумыкского народного движения «Тенглик» и председателем Лиги кумык-

ских женщин «Умай». Участвовала во многих съездах тюркских народов и женских конгрессах.

АБДУЛЛА ДАГАНОВ – Народный поэт Дагестана, член Правления Союза писателей Дагестана. Был главным редактором журналов «Литературный Дагестан» и «Соколёнок». Автор более чем сорока книг поэзии, прозы, публицистики, изданных в Махачкале и в Москве. Его произведения переведены на азербайджанский, таджикский, украинский, туркменский, узбекский, польский, болгарский и другие языки. Он перевёл на аварский язык многие произведения классиков русской, восточной и европейской литературы. Награждён орденом Дружбы, государственными и общественными наградами. В 2007 году за поэму «Сталинград» удостоен Всероссийской литературной премии «Сталинград».

АМИНАТ АБДУЛМАНАПОВА – Народная поэтесса Дагестана, Заслуженный работник культуры Дагестана. Член Союза писателей России. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор более 30-ти поэтических и прозаических книг для детей и взрослых, вышедших в различных издательствах Махачкалы и Москвы. Лауреат Международной премии «Филантроп».

БАЙРАМ САЛИМОВ – Народный поэт Дагестана, прозаик, драматург, автор более чем двадцати сборников стихов на лезгинском языке и шести на русском. Переводил на лезгинский язык стихи Маяковского, Хетагурова и Гамзатова, Самеда Вургуня и других. Салимов работает и в жанре драматургии. Две его многоактные пьесы с успехом идут в театрах на родине поэта. Лауреат премии «Золотой телёнок» «Литературной газеты», награжден медалью МГО СП России «55 лет Московской писательской организации».

БИЙКЕ КУЛУНЧАКОВА — Народный писатель Дагестана, Заслуженный работник культуры РФ. Делегат съездов Союзов писателей Дагестана, РСФСР и СССР. Автор двадцати прозаических и поэтических книг на родном и русском языках. Пьеса «Белая дочь степей» поставлена на сценах многих детских театров страны и ближнего зарубежья. В 2011 году издала книгу публицистики «Свидетели двух эпох» на русском языке. Награждена орденом «За заслуги перед Республикой Дагестан», лауреат республиканской премии им. С. Стальского.

АНВАР АДЖИЕВ — Народный поэт Дагестана. Окончил ВПШ. Работал в дагестанских газетах. Был председателем республиканского комитета по радио и телевидению. В 1934 году вышел первый сборник стихов Аджиева — «Обновление» («Янгырыв»). В стихах поднимал темы борьбы дагестанцев с немецко-фашистскими захватчиками, борьбы за мир, созидательного труда. Последним произведением Аджиева стала повесть «Болтливая утка», опубликованная в 1992 году. Лауреат премии им. С. Стальского.

МАГОМЕД ГАМИДОВ — Народный поэт Дагестана, Заслуженный работник культуры ДАССР. Член Правления Союза писателей РД. Автор более чем двадцати поэтических сборников на родном и русском языках, книги об истории Дагестанского радио и телевидения. Более тридцати лет занимал должность председателя Гостелерадиокомпании «Дагестан». Кандидат исторических наук. Лауреат премии Фонда имени Омарла Батырая, лауреат премии им. С. Стальского. Награждён орденами Трудового Красного Знамени и Почёта.

СУЛЕЙМАН РАБАДАНОВ – Народный поэт Дагестана, руководил даргинской секцией в Союзе писателей Дагестана, был редактором даргинского выпуска журнала «Дружба». Автор нескольких десятков книг, на его стихи исполняется около пятисот песен. Лауреат государственной премии РД, премии им. Омарла Батырая. Награждён государственными наградами.

ЗАЛМУ БАТИРОВА – поэтесса, Заслуженный работник культуры Республики Дагестан, член Союза писателей России. Автор многих книг стихов, известных поэм и драматических произведений, в том числе драмы в стихах «Хунзахская ханша». Первый лауреат Международной литературной премии «Белые журавли России». Награждена медалью Правительства Москвы.

АНВАРБЕК КУЛТАЕВ – Заслуженный работник культуры Дагестана, член Союза писателей России, руководитель ногойской секции Союза писателей Дагестана, автор многих поэтических и четырех прозаических книг о подвигах ногойцев в Великой отечественной войне, переводил на родной язык стихи Расула Гамзатова и других, тридцать лет возглавляет редакцию ногойского радио на ГТРК «Дагестан».

СУВАЙНАТ КЮРЕБЕКОВА – поэтесса, член Союза писателей и Союза журналистов России, руководитель табасаранской секции в Союзе писателей Дагестана, редактор табасаранского выпуска журнала «Женица Дагестана». Автор поэтических сборников: «Годакан звёзд», «Обитель любви», «Паруса судьбы».

АРБЕН КАРДАШ — поэт, Заслуженный деятель искусств Дагестана. Член Союза писателей России. Автор более чем пятнадцати книг стихов и прозы на лезгинском и русском языках. Редактор литературы на лезгинском языке в Дагестанском книжном издательстве. Лауреат Государственной премии Республики Дагестан и премии «Шарвили». В 2011 году Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского научного центра РАН выпустил книгу «Арбен Кардаш. Творческая личность на рубеже столетий».

АМИНАТ АБДУРАШИДОВА — поэтесса, журналист, участница трёх Всесоюзных совещаний молодых поэтов. Стихи переведены на несколько языков. Как журналист была на кавказских войнах. Награждена Почётными грамотами, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством второй степени», медалью Правительства Москвы, имеет звание «Золотое перо Дагестана».

САБИГАТ МАГОМЕДОВА — поэтесса, родилась в высокогорном ауле Инхоквари Цумадинского района. Первая публикация в газете «Колхозник». С 1983 года журнал «Дружба» начинает печатать её стихи и рассказы. Принимала участие в совещаниях молодых писателей.

ГАМЗАТ ИЗУДИНОВ — молодой талантливый поэт, журналист, аспирант ДГУ, участник Первого Международного совещания молодых писателей в Переделкино. Лауреат литературных премий им. Ю.Ханпалаева и М.Шахмалова.

ЗУЛЕЙХА АТАГИШИЕВА — поэтесса, член Союза писателей России, пишет на кумыкском языке.

УМАРАГИ САЛИХОВА — поэтесса, пишет на аварском языке.

АЙЛИН МУСАЕВА — поэтесса, пишет на даргинском языке.

ОМАРЛА БАТЫРАЙ — один из основателей даргинской литературы. Свои стихи он пел, наигрывая на чунгуре (струнный музыкальный инструмент). Писал он о любви, героях, жизни и смерти. В 1961 году в городе Избербаш был открыт Государственный даргинский театр его имени. Его именем названа улица в Махачкале. Р. Гамзатов посвятил Батыраю одно из своих стихотворений — «У поэтов нет могил».

ИЗ ФОЛЬКЛОРА — народное творчество села Чуни Левашинского района, Авария. Предположительно 18-19 век.

СЕРГЕЙ СОКОЛКИН — поэт, Заслуженный работник культуры РФ, член Президиума Московской городской организации Союза писателей России. Автор семи книг стихов, книги переводов стихов аварских поэтов и одного романа. Стихи переведены на болгарский, монгольский, китайский и аварский языки. Песни на его стихи поют 53 отечественных исполнителя. Неоднократный лауреат телевизионного конкурса Первого Канала «Песня Года». Первый лауреат Международной литературной премии имени Андрея Платонова «Умное сердце», лауреат конкурса «Лучшая книга 2008-2010» с вручением приза «За вклад в русскую литературу», лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.С. Лескова «Очарованный странник», лауреат 6 Национального литературного конкурса «Мила

Родино» (Болгария), лауреат одиннадцатой Артиады народов России (в номинации – Литература. Лига мастеров. Гильдия профессионалов), дипломант конкурса ФСБ России на лучшие произведения литературы и искусства. Председатель Оргкомитета Фестиваля «Белые журавли России» памяти Расула Гамзатова (Москва). Награждён государственными, правительственными, ведомственными и общественными наградами.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Проханов. Музыка дагестанских гор.....</i>	<i>5</i>
<i>Владимир Бондаренко. Поэтическое гнездовье Кавказа.....</i>	<i>6</i>
<i>Владимир Солоухин.....</i>	<i>12</i>
<i>Сергей Соколкин. От автора-переводчика.....</i>	<i>13</i>

РАСУЛ ГАМЗАТОВ (перевод с аварского)

<i>«В сорок втором — далёком старший брат...».....</i>	<i>15</i>
<i>«У народа три заветных песни...».....</i>	<i>16</i>
<i>«Если гость ночной стучит в оконце...».....</i>	<i>17</i>
<i>«Совсем не далёкой...».....</i>	<i>18</i>
<i>Дружба.....</i>	<i>19</i>
<i>«На чужбине пригорюнюсь, вспоминая...».....</i>	<i>20</i>
<i>«Если б каждый мой вздох о тебе рифмовать...».....</i>	<i>21</i>
<i>«Горы наши белые и синие...».....</i>	<i>22</i>
<i>«Нет таких каминов, где б безопасно...».....</i>	<i>23</i>
<i>«Каждый был рождён в прекрасный миг...».....</i>	<i>24</i>
<i>«Вот осень, это значит, песня спета...».....</i>	<i>25</i>
<i>«Верного друга война отняла...».....</i>	<i>26</i>
<i>«Трудно ль подвиг совершить герою...».....</i>	<i>27</i>
<i>«Слава, живых обходи стороной...».....</i>	<i>28</i>
<i>«Качает колыбели горный ветер...».....</i>	<i>29</i>
<i>«Стегает горный ветер, словно плетью...».....</i>	<i>30</i>
<i>«Поэт пел песни про родной народ...».....</i>	<i>31</i>
<i>«Бессмертных нет, мы все уйдём туда...».....</i>	<i>32</i>
<i>«На клинках писали и клинками...».....</i>	<i>33</i>
<i>«Если суждено металлом стать мне...».....</i>	<i>35</i>
<i>«Узора вязь легла на рукоять...».....</i>	<i>36</i>
<i>«Я не всезнайка, нет таких людей...».....</i>	<i>37</i>

«Высекайте на клинках кинжальных...».....	38
Пять наставлений.....	39
Мужчина.....	41
Четверостишья.....	43
«От мест, где родился, мой дом далеко, далеко...».....	46
«Когда я умру, я прошу, аульчане...».....	47
«Победы я свои не выставляю...».....	48

ФАЗУ АЛИЕВА (перевод с аварского)

«Есть в мире такое меж нами, что не понимаю...».....	49
«Любимый мой, так что же между нами...».....	51
Строки любви.....	52
«На голос Родины...».....	54
«Осень и женищина чем-то похожи...».....	55

МАГОМЕД АХМЕДОВ (перевод с аварского)

Расул Гамзатов.....	56
«Я горной речкой с Родины сбегал...».....	59
«Моя горная речка — не Чёрная речка...».....	60
«Я вернулся в дом, к той речке детства...».....	61
Повесть.....	62
Солнце и роса.....	63
«Люблю цветы и звёзды, что беспечно...».....	64
Моцарт и Сальери.....	65
Лорд Байрон.....	66
Поэт.....	67
Простая песня.....	68
Родина.....	69
«Чтоб страну прославить в песне, нету слов...».....	70
«Никого уже не вызовешь к Барьеру...».....	71
Ночной ветер.....	72
«Осенние небеса, тяжёлые небеса...».....	74
«Как дела твои, Поэт...».....	75

Свеча.....	76
Ночной цветок.....	77
«Даден путь извилистый поэту...».....	78
«О, времена! Ни веры нет, ни чести...».....	79
«И подножья гор хватает мне...».....	80
Война.....	81
«В том краю, где свет увидел я...».....	83
«Выбирало друзей само сердце всегда...».....	84
«Дом отцовский и земля любимых гор...».....	85
«О, мои гунибские берёзы...».....	86
«И был вопрос, — в последний миг земной...».....	88
«Как облака разрывает безудержный ветер...».....	90
Родной язык.....	93
Горцы-аварцы (гимн).....	95
Час расплаты.....	97
Всадники.....	99
«Одинокая горская песня любви...».....	101
Элегия.....	102
Двое.....	103
«Ночью звёзды на вечном пристанище...».....	105
Разговор.....	106
«Смех у речки — детский голосочек...».....	107
«В предвечерний час таинственные тени...».....	108
«Дом помнит всё: весёлого меня...».....	109
Голоса.....	110

АХМЕД ДЖАЧАЕВ (перевод с кумыкского)

«Когда среди других попался горький плод...».....	111
Дорога.....	112
Косьба.....	114
У пропасти.....	115
Нет спасения.....	116

Кино.....	117
Восемнадцать.....	118
Отцовская рука.....	119

ХАНБИЧЕ ХАМЕТОВА (перевод с лезгинского)

Узоры мороза.....	121
«Тополь скрипит молодой и красивый...».....	123
«Волна морская, мне не угождай...».....	124

ЮСУП ХАППАЛАЕВ (перевод с лакского)

Над неприступными горами.....	126
На погосте.....	127

ШЕЙИТ-ХАНУМ АЛИШЕВА (перевод с кумыкского)

Свобода.....	129
И сегодня.....	130
За чертой.....	131
Во мне.....	132
Бабочка.....	133
Мальчик, разносящий молоко.....	134
Трава.....	136
Не понимаю.....	137

АБДУЛЛА ДАГАНОВ (перевод с аварского)

Цыганка.....	138
«Не спеши, под лиственной кроной...».....	140
«Что-то грустно сердце застучало...».....	141
«Отстрадав, отплакала душа...».....	142
«Годы, как листки календаря...».....	143
Девушка, купающаяся в речке.....	144
«На земле, в родимом доме...».....	145

«Каменистые тропы на горных вершинах...»	147
«Шумит печально дерево в саду...»	148
«Порой, швырнув перо ко всем чертям...»	149
«Мне бы саблю, чтоб рассечь эту ночь...»	150
«Моя рука бездарна, не вольна...»	151
«Все равно ведь – поздно или рано...»	152
«Тот же взгляд, улыбка та же...»	153
В Стамбуле	154
Поэзия	159
У памятника Зое	161
«Что в мире переменном долговечней...»	163
«Судьбе слепой не поддавайся...»	165
«Плакал дед, когда, страдая, умирал...»	166
Сердце	167
Песня девушки	168
«Все ярче солнце, и в цвету...»	169
«Где, скажи, любовь моя...»	170

АМИНАТ АБДУЛМАНАПОВА (перевод с даргинского)

«Был страстный зов любви...»	172
«Цветы любви в долине расцвели...»	173
Цветы	174
Землетрясение в груди	176
Ветераны	178

БАЙРАМ САЛИМОВ (перевод с лезгинского)

Материальный стимул	180
Благодарность	181

БИЙКЕ КУЛУНЧАКОВА (перевод с ногайского)

Чёртов вальс	182
--------------	-----

АНВАР АДЖИЕВ (перевод с кумыкского)	
Снег.....	184
МАГОМЕД ГАМИДОВ (перевод с даргинского)	
Четверостишья.....	186
СУЛЕЙМАН РАБАДАНОВ (перевод с даргинского)	
«Я ничего для тебя не жалею...».....	187
Поэзия мудрости и доброты	188
ЗАЛМУ БАТИРОВА (перевод с аварского)	
«Откуда в тебе столько льда, морозящего душу...».....	193
«Коль мужества в душе твоей заглохнет песня...».....	194
«Нам суждено идти по жизни с верой...».....	195
«Моими глазами, сынок, не гляди...».....	196
АНВАРБЕК КУЛТАЕВ (перевод с ногайского)	
Уходит жизнь.....	198
«Пусть джигит умирает, но в песне летит его слава...»....	200
Вечерний Терекли-Мектеб.....	202
СУВАЙНАТ КЮРЕБЕКОВА (перевод с табасаранского)	
«Бесприютны тех глаза, кого я знала...».....	203
«Всё есть в тебе: порода, взгляд могучий...».....	204
«Ты носишь обиду в душе, как дитя...».....	205
«Вбежала. Вот и жизни середина...».....	206
«Душа – волшебный мир...».....	207
АРБЕН КАРДАШ (перевод с лезгинского)	
«Над трассой властвуют колёса...».....	208
Зима в Курахе.....	209

«Стихи врываются без стука...».....	210
«За окном будет сыпаться снег...».....	212
Мальчик с книгой.....	213

АМИНАТ АБДУРАШИДОВА (перевод с даргинского)

Имя твоё.....	214
Мечта.....	215
Семена арбуза.....	216
Путь к счастью.....	217
Труба.....	218

САБИГАТ МАГОМЕДОВА (перевод с аварского)

«Море моё, бирюзовое море...».....	219
«Никому не сделала добра я...».....	220
Четверостишья.....	221

ГАМЗАТ ИЗУДИНОВ (перевод с аварского)

«Лишь миг смотрел на солнце. Навсегда...».....	223
«Мой родной Арадерих, Ассалом алейкум...».....	224
«Дом чиновника шикарен и могуч...».....	226
Свадьба Махмуда и Муи.....	228
Шолоховский район (часть первая).....	229

ЗУЛЕЙХА АТАГИШИЕВА (перевод с кумыкского)

«Не спрашиваю, сколько тебе лет...».....	230
Любовь.....	231

УМАРАГИ САЛИХОВА (перевод с аварского)

«Не дай, Аллах, мне мысль, холодную, как снег...».....	232
--	-----

АЙЛИН МУСАЕВА (перевод с даргинского)

«Страна моя раздета и распята...».....	233
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОМАРЛА БАТЫРАЙ *(перевод с даргинского)*

«Мать твоя день и ночь о деньгах лишь талдычет...».....234

«Сколько было, сколько будет песен спето...».....235

ИЗ ФОЛЬКЛОРА.....237

СЕРГЕЙ СОКОЛКИН

«Наша жизнь — это песня...».....238

Шамиль и царь.....239

Дикая дивизия.....240

Чеченская коррида.....243

ЕСТЬ И ДРУГОЙ КАВКАЗ.....246

ОБ АВТОРАХ.....255

Поэзия многоязыкой России

Сергей Юрьевич СОКОЛКИН

Малая поэтическая антология

МОЛИТВЫ В ДАГЕСТАНСКОМ НЕБЕ

Переводы стихов поэтов Дагестана

Телефон и e-mail для связи с автором:
8-903-722-69-82, 7226982@mail.ru

Редактор Николай Дорошенко

Технический редактор Е.И. Косырева

Подп. в печать 10.08.2013 г. Формат 70x100 ¹/₃₂

Бумага офсет №1. Гарнитура Newton С.

Печать офсетная. Печ. л.: 8,5

Тираж 500 экз. Заказ №

АНО «Редакционно-издательский дом «Российский писатель»

119146, Москва, Комсомольский пр-т, 13

тел.8-962-965-51-64, факс: +7(499)246-53-11.

sp@rospisatel.ru

www.rospisatel.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного издательством

электронного оригинал-макета

в ГУП «Клинцовская городская типография».

243140, Брянская обл., г. Клинцы,

пер. Богунского полка, 4а

тел.: 8(48336) 4-24-56; 4-04-18; 4-35-89.